

**Иван
КАЛАШНИКОВ**

МИР АНГЛИЙСКОГО ФУТБОЛА

**ЗНАМЕНИТЫЕ КЛУБЫ, ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИГРОКИ
И ДРАМАТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ**

**ЗА КАКОЙ КЛУБ БОЛЕЛИ МУЗЫКАНТЫ THE BEATLES
КАК «ЛЕСТЕР» СТАЛ САМЫМ НЕВЕРОЯТНЫМ ЧЕМПИОНОМ АНГЛИИ
ПОЧЕМУ ДИЕГО МАРАДОНА НЕ ИГРАЛ В АНГЛИИ**

Английский футбол. История,
герои и неизвестные факты

Иван Калашников

**Мир английского футбола.
Знаменитые клубы,
легендарные игроки и
драматичные сюжеты**

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.332(410)
ББК 75.578

Калашников И. С.

Мир английского футбола. Знаменитые клубы, легендарные игроки и драматичные сюжеты / И. С. Калашников — «Эксмо», 2016 — (Английский футбол. История, герои и неизвестные факты)

ISBN 978-5-699-90794-6

Иван Калашников был футбольным корреспондентом сайта Sports.ru в Лондоне четыре года, с 2011-го по 2015-й. За это время он посетил около 150 матчей на более чем 40 стадионах Англии, был на играх в девяти разных дивизионах. Это привело к появлению путеводителя по английскому футболу – подборке историй и репортажей о главных городах, клубах, персонажах и традициях английского футбола. Автор не только объясняет, как «Лестер» сенсационно выиграл премьер-лигу, а Роман Абрамович изменил «Челси», но и рассказывает о первом в мире вегетарианском футбольном клубе и старейшей английской любительской команде, где футболисты по-прежнему не получают денег за игру, а также раскрывает секрет, за кого болели музыканты группы The Beatles. Эта книга для тех, кто любит футбол, а также историю, кино и музыку Англии, – речь пойдет не только о самой игре, но и о месте футбола в культуре страны.

УДК 796.332(410)

ББК 75.578

ISBN 978-5-699-90794-6

© Калашников И. С., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Вступление	8
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Часть 2	27
Глава 1	27
Глава 2	32
Глава 3	35
Часть 3	39
Глава 1	39
Глава 2	45
Глава 3	51
Часть 4	53
Глава 1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Иван Калашников

Мир английского футбола

Знаменитые клубы, легендарные игроки и драматичные сюжеты

© Калашников И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Тимур Журавель, корреспондент «Матч ТВ»:

Ну что тут скажешь? Буду честен, книга Вани Калашникова вызывает у меня зависть и ревность. Конечно, все это по-доброму – думаю, на месте Вани хотел бы оказаться каждый. Англия – страна удивительного отношения к футболу. Здесь это часть культурного кода: истории, судьбы, драмы и трагедии. Ваня смог непринужденно объединить все это под одной обложкой. И самое важное, что это не только работа с архивами, а прежде всего живое путешествие по Англии. Сам видел, как Ваня выбирал место на карте, брал рюкзак и отправлялся в английские захолустья. Друзья, сейчас, когда английскую визу получить не так просто, а курс фунта улетел в космос, возьмите и прочитайте эту книгу. Ване удалось отправить нас в невероятный вояж – для этого нам нужно только поудобнее усесться на диване.

Владимир Стогниенко, комментатор ВГТРК:

Я 12 лет комментирую матчи английской премьер-лиги, снял пять документальных фильмов про футбольную Англию и вообще уверен, что ничто не может сравниться с итальянской серией А. Но никогда не пропускаю тексты Ивана Калашникова, посвященные английскому футболу. Ваня великолепно знает то, о чем пишет, искренне любит и всегда умело доказывает: нигде быт, традиции и страсти не переплетаются столь естественно и крепко, как на одном острове чуть западнее Бельгии.

Юрий Дудь, главный редактор Sports.ru:

Любой школьный учитель географии не даст мне соврать: лучшие по его предмету – футбольные болельщики. Сколько полосок на флаге Уругвая, что за город является столицей Албании и с какой высоты смотрят на наши макушки жители Боливии – все это мы узнаем гораздо раньше остальных, потому что с утра до вечера потребляем футбол, самый популярный вид спорта на планете. Узнавать мир благодаря футболу легко и приятно. Путеводитель Ивана Калашникова – легкий и приятный способ узнать Англию, главную из стран в жизни главного из видов спорта.

Как захоронение короля Ричарда III повлияло на чемпионство «Лестера»? Каким образом британский шпион играл за московский «Спартак» в разгар холодной войны? За что Эрик Кантона приемом из кунг-фу вонзилась в болельщика прямо во время игры? Где и как топил свою карьеру один из самых талантливых футболистов XX века Джордж Бест? И еще, еще, еще!

Да, важное: про спорт в России – особенно под книжным переплетом – часто пишут мертвым, искалеченным штампами языком. Эта книга написана прекрасно. Поэтому если вы все же дочитали до этого абзаца, то я уверен: вы сделали это на кассе.

Посвящается О.

Вступление

Когда я впервые приехал в Лондон, английский футбол казался самой понятной вещью на свете. Зимой 2009 года в премьер-лиге все еще заправляла «большая четверка» – «Манчестер Юнайтед», «Челси», «Арсенал» и «Ливерпуль». С газетных страниц улыбалось знакомое лицо лучшего российского футболиста Андрея Аршавина, который только что подписал контракт с одним из этих клубов. Англия подала убедительную заявку на чемпионат мира 2018 года. В местном футболе звенели деньги и играли звезды, а сэр Алекс Фергюсон продолжал методично уничтожать соперников и пачки жевательной резинки. Все это казалось закономерным, долговечным и самодостаточным: зачем интересоваться чем-то еще, если мировой футбол вертится вокруг европейского, европейский – вокруг английского, а расклад сил в английском футболе очевиден?

Два года спустя я перебрался в Лондон жить и работать – и довольно быстро понял, что в английском футболе полно событий, которые интереснее и важнее, чем переход Фернандо Торреса из «Ливерпуля» в «Челси» за 50 миллионов фунтов. Селебрити-игроки, ценники, названия топ-клубов – это всего лишь витрина заведения, в котором под пиво с пирожками рассказывают одинаково увлекательные истории двухдневной и столетней давности. Я открыл свой футбольный сезон на матче команды из пятого дивизиона, затем попал на финал Лиги чемпионов и с тех пор уже не мог остановиться: премьер-лига, чемпионшип и далее вниз до девятого уровня, кубки, еврокубки и сборные – более 150 матчей на 40 стадионах за четыре года. С каждой новой игрой и поездкой понятнее становились в первую очередь грандиозные масштабы английского футбола, который не только полностью подчинил себе географию страны, но и проник в ее культуру.

Селебрити-игроки, ценники, названия топ-клубов – это всего лишь витрина заведения, в котором под пиво с пирожками рассказывают одинаково увлекательные истории двухдневной и столетней давности.

Собственно, эти четыре года я посвятил как раз культуре и географии. И в глухой глостерширской деревне, и в иммигрантском пригороде Лондона, и на знаменитых стадионах «Олд Траффорд» и «Энфилд» разговоры шли не столько о футболе (в Англии все и так хорошо знают, кто с кем как сыграл), сколько о том, как именно футбол встроен в местную жизнь. В Ливерпуле до сих пор спорят, за какую же команду болели музыканты The Beatles. На северо-востоке Англии особенно уважают игроков и тренеров, вышедших из шахтерских семей. Самый известный манчестерский художник Лоуренс Стивен Лаури нарисовал картину «Футбольный матч», которую продали на аукционе за 5,6 миллиона фунтов. Даже лондонские хипстеры нашли себе клуб по нраву и последней моде. Там, куда никогда не заведет обычный путеводитель, найдется своя футбольная история, многое объясняющая про атмосферу этого места, – вот почему я решил собрать такие истории в одну книгу.

Конечно, упомянуть в ней все невозможно. Я постарался рассказать прежде всего о городах и поселках, куда добрался лично, а также обо всех футбольных клубах, без которых карта Англии будет неполной. Вы не найдете здесь хорошо известных историй о том, как «Манчестер Юнайтед» доминировал в премьер-лиге, а «Ливерпуль» побеждал в невероятном финале Лиги чемпионов-2005, зато узнаете, какие еще игроки, матчи и события повлияли на судьбу этих и других клубов. Футбол в Англии так часто соприкасался с историей общества, культурой и искусством, что породил бесчисленное количество сюжетов; вряд ли бы столько же возникло исключительно на футбольном поле. Впрочем, и там их появилось немало: с того момента, как я впервые приехал в Лондон, привычные границы раздвинулись,

«большая четверка» развалилась, Аршавин уехал, Фергюсон ушел, а в мае 2016 года случилось немыслимое: чемпионом Англии стал «Лестер Сити».

* * *

Хочу поблагодарить всех, кто помогал, вдохновлял и ездил вместе со мной по Англии. Спасибо Джеймсу Аппелю, Сергею Бондаренко, Александру Горюнову, Дэниэлу Дарби, Дмитрию Долгих, Тимуру Журавелю, Дарие Конурбаевой, Наталье Куркиной, Марии Макаровой, Марии Михальчук, Семену Павлюку, Джемме Смит, Владимиру Стогниенко, Оксане Сухановой, компании Opta Sports, сотрудникам «НТВ-Плюс» из комнаты 8–16, а также всему прекрасному коллективу Sports.ru.

Часть 1 Северный Лондон

Глава 1 «Уэмбли» и ворота в мир английского футбола

Храм футбола. Священный газон. Дом сборной Англии. За почти столетнюю историю существования стадиона «Уэмбли» его часто награждали превосходными эпитетами, подразумевая, что уж здесь-то, в центре футбольной вселенной, в столице нации, которая придумала игру, всегда разворачивается драма мирового масштаба, от которой радуется сердце

и болит душа. Как бы не так. «Душа есть у европейцев. У англичан души нет – ее им заменяет преуменьшение», – писал в книге «Как быть иностранцем» сатирик Джордж Микеш. Самыми восторженными словами «Уэмбли» всегда называли иностранцы – игроки, тренеры, комментаторы, Пеле, Беккенбауэр, сборная Сан-Марино, – как правило, еще до игры потрясенные тем, что попали на стадион, о котором слышали и читали всю предыдущую жизнь. Если же найти «Уэмбли» на туристическом сайте TripAdvisor и открыть отзывы посетителей из Англии, то самым популярным комментарием окажется примерно такой: «Неплохой способ провести воскресенье».

Конечно, «Уэмбли» очень важен для английского футбола. В 1966 году сборная страны выиграла здесь свой единственный трофей; это принято называть славным прошлым. Есть и будущее: каждый год «Уэмбли» принимает кубковые финалы, многие из которых становятся главными событиями в истории добравшихся сюда клубов. Но это не храм, не центр вселенной и теперь уже не вполне дом сборной Англии, которая с 2016 года начала играть домашние матчи на других стадионах страны, чтобы национальная команда не ассоциировалась у болельщиков исключительно с Лондоном. «Уэмбли» – ворота английского футбола, 133-метровая арка, ведущая в огромный, удивительный и совершенно не центростремительный мир, в котором футбол чтит свои традиции и своих героев, является частью местной культуры и живет не одним матчем в году, а ждет прихода субботы каждую неделю.

«Уэмбли» – ворота английского футбола, 133-метровая арка, ведущая
в огромный, удивительный и совершенно не центростремительный мир.

Появление «Уэмбли» тоже было в некотором смысле преуменьшением. В конце XIX века железнодорожный магнат Эдвард Уоткин решил построить на северо-западе Лондона парк развлечений, центральным элементом которого должна была стать самая высокая башня в мире по образу Эйфелевой. Башня и парк привлекли бы посетителей в прежде непримечательный район Уэмбли, а добираться туда надо было по Метрополитен-линии, принадлежащей Уоткину. Предприниматель не жалел денег: сначала он предложил построить башню самому Гюставу Эйфелю (французский инженер отказался, испугавшись, что его перестанут считать патриотом), а затем объявил общенациональный конкурс, по итогам которого выбрал самый дорогостоящий проект. Доходы от парка развлечений поначалу позволяли держать темп грандиозного строительства, но вскоре Уоткин заболел, отошел от дел, а после его смерти стало ясно, что финансировать проект больше некому. Недостроенные опоры башни уничтожили динамитом, и она осталась в истории под названием «Каприз Уоткина».

Один грандиозный проект сменился другим. В 1924 году в Уэмбли-парке открылась Британская имперская выставка, экспозиция достижений колониального хозяйства из подконтрольных королевству стран. Главной целью мероприятия было укрепление торговых и политических связей между Британией и ее доминионами, потому что империя уже потихоньку трещала по швам: Первая мировая война, беспорядки в Ирландии, движение Ганди в Индии и разрешение на проведение собственной внешней политики подорвали авторитет и влияние метрополии. Король Георг V произнес речь, осторожно призвав вернуть все как было, но, как отмечал историк Ниалл Фергюсон, «большинство английских мужчин интересовались футболом сильнее, чем делами Британской империи». Посетители толпами валили на построенный на месте «Каприза Уоткина» стадион, где за год до выставки впервые прошел финал Кубка Англии (официальное число зрителей – 126 тысяч, желающих – более 300 тысяч). Когда выставка закрылась, стадиону дали имя «Уэмбли» и назначили главным в стране.

Первые 30 лет существования «Уэмбли» – золотой век стадиона. Английские клубы бились в кубковых финалах, постепенно повышая посещаемость с 90 до 100 тысяч, а сборная

Англии никому здесь не проигрывала. Но в 1953 году на «Уэмбли» приехали венгры, «Магические мадьяры» с Ференцем Пушкашем, Шандором Кочишем и Нандором Хидекути, действующие олимпийские чемпионы, не знающие поражений 24 матча подряд. Встречу сборной страны, где придумали футбол, и страны, которая в тот момент лучше всего в него играла, английские журналисты назвали «матчем века» и ответственно к нему подготовились, выучив правильное написание и произношение непростых венгерских имен. Но сборная Англии почему-то не отнеслась к игре всерьез: стартовый состав определял не тренер, а футбольная федерация, а капитан команды Билли Райт перед матчем посмеялся над необычными легкими бутсами венгров, заявив, что «у них и формы-то нормальной нет».

Излишнее внимание к форме сразу же подвело Англию. Игроки сборной ориентировались на номера венгров, ожидая, что «девятка» Хидекути будет играть в центре нападения, и не понимали, почему соперники часто менялись местами и не следовали одной тактической схеме. Пушкаш безнаказанно финтил в штрафной площадке, Йожеф Божик забил роскошный гол дальним ударом, Хидекути сделал хет-трик, и Венгрия разнесла Англию со счетом 6:3, заодно поспособствовав появлению шедевра спортивной репортажной журналистики. Джефффри Грин из газеты The Times написал статью под программным заголовком «Новая концепция футбола», в которой назвал матч «сумерками богов», англичан – «посторонними в потустороннем мире», а Билли Райта, попавшегося на финт Пушкаша, – «пожарной машиной, спешащей не на тот пожар». Поражение от Венгрии подпортило репутацию сборной, продемонстрировало недостатки английского клубного футбола, заставило тренеров изучать континентальный опыт и разрушило ауру непокоримости стадиона. Придворный поэт Джон Бетчман писал: «О, оставшийся в прошлом „Уэмбли“, где же теперь твои радости?»

Радости вернулись на «Уэмбли» через 13 лет. Англия победила на домашнем чемпионате мира и ненадолго возродила ощущение собственного футбольного превосходства – которое, впрочем, пропало после чувствительного поражения от Шотландии через десять месяцев на этом же стадионе. Но в 1966 году словно состоялся ренессанс империи: болельщики на трибунах размахивали британскими «юнион-джеками» (сейчас на матчах Англии можно увидеть исключительно английские красно-белые флаги), а сборная методично расправлялась с соперниками, впервые пропустив лишь на 82-й минуте полуфинала, да и то с пенальти. Непривычно прагматичный стиль команде навязал тренер Альф Рэмзи, которого современники называли замкнутым и даже черствым человеком, напроць лишенным чувства юмора. Он едва не лишил Англию героя, собираясь убрать капитана Бобби Мура в запас перед финалом, но потом передумал и выбрал другой план на игру, заставив своего лучшего игрока, Бобби Чарльтона, сосредоточиться на нейтрализации Франца Беккенбауэра. В результате Мур отдал две голевые передачи и стал лучшим игроком матча.

Для формирования идентичности сборной Англии было совершенно неважно, как на самом деле влетел в ворота немцев третий гол в матче и влетел ли вообще. Важнее то, что именно после наивысшего и наиболее символического достижения, победы в финале чемпионата мира на «Уэмбли», Англия смогла наконец приступить к десакрализации своего главного стадиона и надоевшего звания родоначальников футбола. Как утверждал тот же Микеш (кстати, венгр по национальности), быть прекрасными неудачниками намного лучше, чем безжалостными победителями – по крайней мере, это куда лучше подходит английскому характеру. Со временем сборная укрепилась в роли завсегда четвертьфиналов, а «Уэмбли» пережил долгую, мучительную и крайне дорогую реконструкцию, многочисленные замены газона, сильное падение посещаемости на товарищеских матчах и в итоге стал стадионом мечты не для национальной команды, а для клубного футбола – парадной дверью в мир невероятных кубковых подвигов, которыми действительно можно гордиться.

* * *

В солнечную погоду тень от гигантской арки над «Уэмбли» падает на поле стадиона «Вэйл Фарм», где играет клуб девятого английского дивизиона с непривычно громким названием. ФК «Уэмбли» носит красно-белую форму и прозвище «львы», притворяясь сборной Англии в миниатюре, и собирает на своих матчах не больше 100 зрителей. На милую эксплуатацию национальных футбольных ценностей никто никогда не обращал внимания, но как только клуб «Уэмбли» решил выйти из тени арки и сделать шаг в сторону стадиона «Уэмбли», то оказался в центре самой громкой истории в любительском футболе в сезоне-2012/13.

Спонсор Кубка Англии компания Budweiser решила взять шефство над ФК «Уэмбли» и поднять интерес к турниру, пригласив в команду несколько известных экс-футболистов. Рэй Парлор, Мартин Киуон, Грэм Ле Со, Брайан Макбрайд. Тренер вратарей Дэвид Симэн. Тренер-консультант Терри Венейблс. Наконец, Клаудио Каниджа: после этого имени вряд ли кто-то был способен выкинуть название нового проекта из головы. С помощью этих достойных мужчин «Уэмбли» собирался пройти как можно дальше в соревновании, где главной мотивацией по-прежнему принято считать мечту. Понятно, что в турнире с 758 участниками все равно побеждают гранды, подключившиеся на последних стадиях, но любой полупрофессиональный клуб, продравшийся через несколько раундов, имеет шанс хотя бы недолго побыть в Англии новостью номер один: кубковые подвиги все еще задевают в людях что-то такое, до чего не дотягивается премьер-лига.

Но «Уэмбли» удалось вывернуть эту мечту наизнанку. Наверное, если бы «Газпром» подписал Олега Веретенникова в какой-нибудь ФК «Лужники», а Nescafé нанял Ромарио в ФК «Маракана», никто бы не сказал и слова, но в Англии история о встрече больших денег и футбольной культуры обязательно будет обсуждаться на всех уровнях. Предложив неплохую зарплату Канидже, Парлору и остальным, «Уэмбли» по сути попросил освободить место в составе тех самых пацанов, которые получают по 40 фунтов за игру (или не получают ничего) и действительно могут мечтать о том, чтобы как-нибудь выбить из Кубка Англии команду, живущую двумя дивизионами выше. А потом прочитать о себе в утренней газете по дороге на работу.

В общем, когда я оказался в очереди к покосившейся билетной кассе «Вэйл Фарм», крыша которой давно поросла бурными лишайниками, завсегдаи матчаи низших дивизионов недовольно бурчали что-то про «шальные деньги, которые платят толстым краснорожим старикам», телеоператоры скучали на бровке, а тень от арки стадиона «Уэмбли» не доставала до поля даже с помощью длинных лучей закатного солнца. Суетсяиися молодые пиарщики «Будвайзера» и Мартин Киуон в лаковых ботинках (в этом матче он замещал Венейблса на скамейке) выглядели довольно неуместно на фоне винтажного буфета и трибуны с четырьмя разными типами сидений – включая парковую скамейку. Если бы я ставил диагноз по предматчевой атмосфере, то поспешил бы заключить, что эксперимент «Уэмбли» провалился. К счастью, впереди была игра.

Кубковые подвиги все еще задевают в людях что-то такое, до чего не дотягивается премьер-лига.

«Уэмбли» проводил свой третий матч в Кубке Англии. Первый они не без труда выиграли (3:2), а во втором, с «Аксбриджем», упустили победу (2:2) и получили переигровку через три дня, на которую из звездных игроков вышел только Клаудио Каниджа – и немедленно очаровал всех. Я слышал и видел, как суровые знатоки глубинного футбола оттаивали при виде 45-летнего длинноволосого форварда, который не слишком-то отличался от того Каниджи, что провел три сезона в чемпионате Шотландии; а для меня, конечно, это был

тот Каниджа, что дождался передачи после гениального прохода Марадоны в 1990 году – и отправил Бразилию домой. Мы все заворуженно следили за тем, как один из некогда лучших нападающих мира воевал с обороной команды восьмого английского дивизиона.

В итоге у Каниджи не получилось почти ничего. «Аксбриджу» вполне хватило минимальной разницы в классе, чтобы начисто отрезать форварда от полузащиты и приставить к нему персонального защитника, а во втором тайме смять и разгромить уставших соперников – 0:5. Играющий тренер «Уэмбли» Иан Бэйтс сказал потом, что надо было выбрать схему 4–4–2 вместо рекомендованной Венейблсом 4–3–3, но было уже поздно. Проект лопнул, бокал «Будвайзера» опустел, фанаты настоящего футбола остались довольны; при этом каждый из них не раз с удовольствием вспомнит, как видел игру Каниджи на одном из самых скромных стадионов Англии. Возможно, это и был тот самый момент «магии кубка»: в одном и том же матче на газон вышли легендарный игрок предыдущего поколения и молодой парень-любитель из «Аксбриджа», и хет-трик сделал второй из них. Кроме того, тот сезон Кубка Англии закончился последней на данный момент громкой сенсацией – деревенский «Уиган» обыграл в финале могучий «Манчестер Сити» и напомнил, почему старейший в мире футбольный турнир все еще кому-то нужен.

Глава 2

«Арсенал» и французская революция

«Хайбери нагоняет на меня тоску», – писал Т. С. Элиот в поэме «Бесплодная земля».

Драматург и поэт из американской глубинки перебрался через Атлантику после Первой мировой войны и, сочиняя одно из ключевых произведений модернизма, исходил пешком почти весь Лондон. Элиота вдохновляли труды Данте, джойсовский «Улисс», легенда о святом Граале и индийские упанишады; неудивительно, что Хайбери, жилой район на севере города с однообразной рядовой застройкой, повергал его в уныние: тут можно было идти и идти вдоль викторианских двухэтажных домиков, прижавшихся друг к другу боками, да так и не увидеть ничего примечательного. Даже стадион футбольного клуба «Арсенал» не слишком выделялся на этом фоне, пока в 1930-е годы его не перестроил архитектор Клод Феррьер – человек с британским паспортом и любовью ко всему французскому.

Феррьер спроектировал величественный фасад восточной трибуны стадиона, строгий параллелепипед цвета слоновой кости с ярко-красными окнами и треугольной крышей. Его было не так легко заметить с Гиллесли-роуд, главной улицы Хайбери, но стоило свернуть в переулок – и на противоположном тротуаре выростала громада в стиле ар-деко, одновременно монументальная и изящная. Впечатляющая реконструкция стадиона была проведена по просьбе Херберта Чепмена, главного тренера «Арсенала» и футбольного визионера, который придумал систему «дубль-ве», убедил клубы писать номера на спинах игроков и предложил идею еврокубков, которую реализовали спустя 20 лет. Чепмен был одним из первых великих менеджеров в английском смысле этого слова, то есть отвечал и за физподготовку команды, и за тактику игры, и за стратегию развития клуба. Стадион «Арсенала» перестроили вскоре после конца экономического кризиса 30-х, и он заметно укрепил финансовое положение «канониров».

Чепмен выиграл с «Арсеналом» два чемпионских титула и один Кубок Англии, но и после его ухода клуб взял еще четыре трофея до начала Второй мировой. Случись все это после (или, еще лучше, вместо) войны, и «Арсенал» наверняка превратился бы в команду-династию, где победные традиции передаются от тренера к тренеру и от игроков к игрокам. Но в послевоенные годы клуб брал трофеи где-то раз в десятилетие и немного уступал в стабильности «Ливерпулю», «Манчестер Юнайтед», «Лидсу» и командам Брайана Клафа. Зато «Хайбери» – стадион «Арсенала» почти сразу начали называть в честь района – стал одной из знаковых арен английского футбола и разжился собственным прозвищем: если «Олд Траффорд» известен как «Театр мечты», то «Хайбери» был «Домом футбола». Из-за умеренной вместимости стадиона сборная Англии здесь почти не играла и он ассоциировался в первую очередь с клубным футболом – тем самым, где дистанция между футболистами и зрителями сведена к минимуму и болельщики дышат в спину игроку, готовящемуся вбросить аут.

Однажды я показывал футбольные места Северного Лондона Сергею Игнашевичу и его детям. Защитник сборной России играл против «Арсенала» на выезде дважды, но в первую очередь вспомнил не сенсационный матч ЦСКА, закончившийся со счетом 0:0 несмотря на 20 нереализованных моментов лондонцев, а игру 2003 года с «Локомотивом», в которой Тьерри Анри дважды разорвал оборону москвичей голевыми передачами. «Неважно, что тогда мы проиграли „Арсеналу“, – говорил Игнашевич. – Зато это было на „Хайбери“. Лучший стадион, на котором я выступал». Чуть позже, во время тура по «Эмирейтс», нынешней арене «Арсенала», на Игнашевича обратил внимание экскурсовод – легендарный форвард «канониров» Чарли Джордж, автор победного гола в финале Кубка Англии-1971. «Я тебя узнал, ты же играл против „Арсенала“ за русских!» – заявил Джордж,

и они принялись обсуждать, какие же невероятные ощущения приносил футбол на «Хайбери» и как отличаются от него игры на «Эмирейтс», суперсовременном, но совершенно другом стадионе с точки зрения атмосферы.

Впрочем, Чарли Джордж застал и времена, когда о стадионе «Арсенала» говорили не с придыханием, а с сожалением. В 1975 году нападающий покинул Лондон, и «Хайбери» вновь стал печальным домом отжившей свой век команды», – утверждал писатель Ник Хорнби в книге «Футбольная горячка», одном из самых знаменитых произведений о футболе как призме для преломления жизни обычного человека. Хорнби вырос в Северном Лондоне и с детства болел за «Арсенал», а когда сел писать автобиографию, то понял, что все его поступки, страхи и достижения связаны с эмоциями, которые он испытывал, стоя на трибуне «Хайбери». На протяжении почти всей книги Хорнби, как правило, вторит мотиву Т. С. Элиота; одна из глав называется «Унылый, унылый „Арсенал“», и в ней есть такой пассаж: «Команда либо выигрывает с минимальным счетом, либо сводит матч вничью, либо проигрывает 0:1, но это не имеет никакого значения. Неделю за неделей, год за годом мы ходим на стадион, прекрасно зная, что предстоящее зрелище принесет нам глубокое разочарование».

Начав болеть за «Арсенал» в 1968 году, Хорнби застал и золотой дубль-1971, и две победы в чемпионате Англии в 1989-м и 1991-м, но между этими успехами прошло достаточно времени – оттого и в книге совсем немного по-настоящему радостных страниц. Однако уже через шесть лет после выхода книги, отпраздновав первую победу «Арсенала» в премьер-лиге, Хорнби заявил: «Если вам не нравится игра команды Арсена Венгера, то вы вряд ли любите футбол». Он не жалел, что его команда вырулила на скоростную полосу и понеслась за новыми титулами уже после того, как он написал о ней книгу, потому что «Футбольная горячка» точно так же открыла дорогу его писательской карьере. Хорнби утверждал, что именно «унылый, унылый „Арсенал“» позволил ему правдиво рассказать о своей жизни; если бы он переживал за более успешный «Ливерпуль», то выглядел бы «восторженным идиотом». И добавлял: «Хорошо, что я закончил книгу уже в 1992-м, а то с моей проклятой кармой ничего не смог бы поделывать даже Венгер». Это заявление, конечно, стоит списать на издержки профессии, но в главном Хорнби прав: «Хайбери» было необходимо в очередной раз дождаться человека с любовью ко всему французскому.

Хорнби заявил:

«Если вам не нравится игра команды Арсена Венгера, то вы вряд ли любите футбол».

В первые дни во главе «Арсенала» Венгер не стал радикально менять состав и тактику команды, зато устроил революцию на кухне. По распоряжению тренера клубный повар выкинул из меню «Арсенала» бобы и традиционные английские пироги с мясом, посадив игроков на диету из отварной курицы, паровой рыбы, овощей и пасты. Венгер приехал в Лондон после двух лет работы в Японии и утверждал, что ни разу не встречал там на улице толстого человека: «Они едят только овощи, рыбу и рис. Ничего жирного или сладкого. Образ жизни там исключительно здоровый, и стать спортсменом проще, чем в Англии, где люди привыкли есть много мучного и мясного». Венгер также ввел принцип «Жуй, чтобы победить» – согласно ему неторопливое поглощение пищи перед игрой облегчало работу пищеварения во время матча. Тщательно прожевав пасту и рыбу, игроки «Арсенала» победили «Блэкберн» на выезде в первом матче под руководством Венгера, но по дороге домой распевали в автобусе: «Верни нам батончики Mars!» Венгер улыбался, однако не уступил. Через несколько лет почти все его футболисты перестали есть сладкое; например, Сеск Фабрегас вспоминал, что до перехода в «Арсенал» больше всего любил пончики, а сейчас не представляет жизни без суши.

Затем изменились тренировки. Венгер отвел на каждое упражнение время с точностью до секунды, не давал отдыхать больше положенного и следил, чтобы никто не делал лишнего. У каждого помощника Венгера во время тренировки должно было быть минимум два секундомера: один – для фиксации времени текущего упражнения, а другой для того, чтобы контролировать продолжительность цикла тренировки – разминочного, бегового или игрового. Ассистент Венгера Пэт Райс, бывший игрок легендарной команды – 1971, рассказывал, что француз маниакально следил не только за временем, но и за температурой воздуха в автобусе: она должна была отличаться до матча и после матча. «Арсен также запретил футболистам обсуждать итоги первого тайма в раздевалке сразу после возвращения с поля: сначала минутное молчание, потом речь тренера, а потом уже разговоры, – объяснял Райс. – А вот на поле, наоборот, нужно постоянно общаться. Коммуникация во время игры – такой же важный фактор стиля „Арсенала“, как короткий и быстрый пас».

В Японии Венгер узнал, что такое фэн-шуй, а позже придумал, как эту идею можно реализовать в футбольном клубе. Во время тренировки на поле не должно быть ничего лишнего: никаких манишек, запасных бутс или сумок – все это игроки оставляли в специальной комнате рядом с раздевалкой. Возглавив «Арсенал», Венгер сразу начал требовать от руководства модернизации тренировочного комплекса, и когда старые постройки сгорели от шальной искры, заставил совет директоров выложить 12 миллионов фунтов. Новые раздевалки на базе были просторны и сделаны в форме лошадиной подковы – на счастье. На стене тренажерного зала был водопад, который помогал игрокам расслабиться психологически во время силовых нагрузок, а главным способом расслабить тело Венгер считал гидротерапевтический бассейн. Впрочем, в первые дни работы ему пришлось уговаривать игроков даже на обычный массаж. «Мне никогда в жизни никто ничего не массировал, – смеялся 30-летний на тот момент защитник Мартин Киуон. – Я просто не хотел, чтобы меня щупал какой-нибудь мужик». Вскоре на массаж к помощнику Венгера Филиппу Буакселю, который также работал со сборной Франции и лично с Зиданом, выстраивались очереди.

Основной принцип трансферной работы Венгер сформулировал так: «Развивать, а не покупать». Скауты «Арсенала» в основном высматривали юных и дешевых игроков, чтобы довести их до ума в молодежной системе клуба, а если потом с ними приходилось расставаться, то с прибылью: скажем, Фабрегаса увели из «Барселоны» в 16 лет практически бесплатно и продали обратно за 35 миллионов фунтов. Робин ван Перси приехал из Голландии всего за 3 миллиона и ушел в «МЮ» за 22. Самой же впечатляющей перепродажей Венгера стал трансфер Николя Анелька в «Реал» за 23 миллиона фунтов – почти со стократной прибылью. Также Венгер запретил заглядывать игрокам в паспорт. В его первой игре у руля «Арсенала» в 1996 году на поле вышли девять англичан, один валлиец и Патрик Виейра; спустя десять лет в составе не осталось ни одного британца. Венгер ругался на завышенные цены и раздутые зарплаты местных игроков и все никак не мог забыть свою самую серьезную трансферную ошибку – покупку нападающего Фрэнсиса Джефферса за 8 миллионов фунтов.

К чему все это привело? Начнем с того, что Венгер выиграл чемпионат и Кубок Англии уже на второй год работы с командой, в сезоне-1997/98. Его главный конкурент, «Манчестер Юнайтед», олицетворял в тот момент футбольную эволюцию – блестящую работу клубной академии, подготовившей «Класс-92», в сочетании с колоссальным опытом и менеджерским гением Фергюсона. «Арсенал», напротив, был примером футбольной революции: прежде незнакомый с реалиями премьер-лиги Венгер очень быстро поменял в клубе все, от еды до тактики, и добился первых успехов с командой, которую многие считали идеальным отражением интернационализации английского футбола. Сочетание английских защитников Диксон – Адамс – Боулд – Уинтерберн с французской связкой хавбеков Виейра – Пети, голландскими форвардами Овермарсом и Бергкампом, а также старым добрым английским

центрфорвардом Ианом Райтом стало легендарным, но еще не вполне соответствовало представлениям Венгера о прекрасном. Только спустя пять лет и три трофея он достиг абсолюта, создав «Непобедимых» – команду, которая выиграла чемпионство без единого поражения.

Прежде незнакомый с реалиями премьер-лиги Венгер очень быстро поменял в клубе все, от еды до тактики.

Этот «Арсенал» уже был полностью придуман Венгером. Перед сезоном-2003/04 он ввел в основной состав лишь одного игрока – немецкого вратаря Йенса Леманна. Другие ключевые футболисты – Тьерри Анри, Робер Пирес, Сол Кэмпбелл, Бергкамп, Виейра – уже выигрывали с Венгером золотой дубль в 2002 году и вспоминали, что после этого успеха тренер стал одержим идеей сезона без поражений. Более того, он хотел, чтобы команда в принципе перестала проигрывать, но игроки справедливо сочли это предложение побочным эффектом максимализма француза. «Арсенал» начал сезон с четырех побед и одной ничьей, но уже в шестой игре, против «МЮ» на «Олд Траффорд», был очень близок к поражению: на последней минуте при счете 0:0 Руд ван Нистелрой бил пенальти, но попал в перекладину. Анри утверждал, что после этого матча он впервые всерьез прислушался к словам Венгера и убедил остальных игроков настроиться не просто на победу в чемпионате, а на беспроигрышную серию длиной в сезон.

У «Непобедимых» не было какого-то нераскрываемого секрета. Наоборот, все их соперники знали, как играет команда Венгера, просто не могли с ней ничего поделать. Без мяча «Арсенал» почти всегда действовал одинаково: два нападающих активно прессинговали, мешая началу чужой атаки (Анри на скорости, Бергкамп на чувстве пространства), а два супермобильных полузащитника, Виейра и Жилберто Силва, встречали соперников ближе к своим воротам, за счет чего у крайних хавбеков Юнгберга и Пиреса появлялся простор для контрвыпада. Крайние защитники Эшли Коул и камерунец Лоран отвечали за подстраховку и попеременно бегали вперед, а пара центральных, Сол Кэмпбелл и Коло Туре, отобрав мяч, тут же отдавали его на фланг или ближайшему опорнику – длинные передачи Венгер разрешал им делать только на последних минутах при равном счете. А вот описать в одном абзаце то, что творил «Арсенал», владея мячом, решительно невозможно: красоту и отточенность их атак не всегда было возможно оценить с первого раза, и приходилось пересматривать на повторках.

Самый невероятный футбол в том сезоне «Непобедимые» показывали именно на «Хайбери»: 15 побед и 4 ничьих в чемпионате. Помимо отличных матчей и голов обычных подозреваемых Анри, Пиреса и Бергкампа, на домашнем стадионе «Арсенала» случались другие неожиданные и оттого незабываемые события. В ноябрьском дерби с «Тоттенхэмом» обе голевые атаки «канониров» начал ветеран Рэй Парлор, проводящий последний сезон в клубе и попавший в основу из-за травмы Виейра. В феврале здесь несколько потрясающих игр провел игрок запаса бразилец Эду, за что был признан игроком месяца в АПЛ. В апреле «Арсенал» в течение недели досадно вылетел из обоих английских кубков и к перерыву домашнего матча с «Ливерпулем» проигрывал 1:2, столкнувшись с самой серьезной угрозой беспроигрышной серии. Тогда уже почти не игравший 37-летний Киуон вежливо отодвинул в сторону Венгера и произнес пламенную речь; футболисты вышли на второй тайм и разорвали «Ливерпуль» – 4:2. Когда «Арсенал» выходил на «Хайбери», жизнь имитировала искусство: в 1939 году здесь был снят детективный фильм «Загадка стадиона „Арсенала“», в котором ведущий игрок гостей таинственным образом исчезал прямо по ходу первого тайма. 65 лет спустя «Непобедимые» Венгера играли на своем поле именно так – как будто у соперника было на одного футболиста меньше.

Следующим принципиальным решением Арсена Венгера в «Арсенале» был переезд на новый стадион. «Хайбери» вмещал всего 38 тысяч человек и не подлежал модернизации, и

хотя строительство 60-тысячного «Эмирейтс» действительно сделало клуб одним из самых финансово успешных грандов европейского футбола, поменялось многое. Теперь стадион не вписан в жилую застройку, а нависает над окрестными пустырями и железной дорогой. Стремительное обогащение премьер-лиги и успех «Арсенала» при Венгере позволили клубу установить самые высокие цены на билеты в Англии, и увеличение доли состоятельных болельщиков повлияло на атмосферу. Сейчас трибуны стадиона отделены от поля специальными барьерами, и зрители, даже до отказа заполнив огромную чашу стадиона, уже не способны по-настоящему оглушить игроков своими песнями. Любопытно, что переезд также совпал с концом наиболее успешного периода Венгера в «Арсенале»: за время выступлений на «Хайбери» команда занимала первые-вторые места и в одном из последних матчей на старом стадионе получила путевку в финал Лиги чемпионов-2006. Но затем «Арсенал» покинул вице-президент Дэвид Дин, пригласивший французского тренера и успешно корректировавший вектор его работы, – и уже на «Эмирейтс» началась эпоха четвертых мест и первых сомнений в Венгере и будущем.

В 2006-м «Хайбери» снесли. В 2008 году на его месте построили жилой комплекс, сохранив фасад восточной трибуны, шедевр Клода Феррьеера. В мраморном вестибюле стоит бюст Херберта Чепмена. Во внутреннем дворе остались фрагменты газона стадиона. Одну из 650 квартир купил Робер Пирес, а еще несколько десятков – самые отъявленные фанаты «Арсенала», заодно разобравшие на аукционах разные предметы с «Хайбери»: деревянные скамейки, крюки, на которые игроки вешали одежду, держатели для мыла и даже ванны из раздевалки. Знаменитые часы с трибуны Clock End переехали на «Эмирейтс». Журналистке газеты The Guardian Эми Лоуренс достался обшарпанный стол, стоявший в ложе для прессы; за ним она написала самую исчерпывающую книгу о триумфальном сезоне «Арсенала», подметив в числе прочего главную переменную в жизни этого района Северного Лондона: несмотря на то что старого стадиона больше нет, а команда, играющая на «Эмирейтс», уже не так безупречна, Хайбери наконец перестал быть скучным местом. Теперь тут живет дух «Непобедимых».

Глава 3

«Тоттенхэм Хотспур» и серийные первопроходцы

Я слышал это сотни раз. Как только в праздном разговоре о футболе с людьми, не следящими за английским футболом, всплывало название «Тоттенхэм», за ним немедленно следовала цитата: «Дерьмом ты не был, но и до вершин не добрался. Как „Тоттенхэм“». Конечно, это чудовищная несправедливость. Фильм «Залечь на дно в Брюгге», в котором Колин Фаррелл приложил клуб из Северного Лондона, вышел в прокат в феврале 2008 года – буквально за месяц до того, как «Тоттенхэм» обыграл «Челси» в финале Кубка лиги и взял первый трофей за девять лет. Да, после создания премьер-лиги эта команда была символом невыполнения плановых показателей: у нее вроде были и деньги, и игроки, и тренеры, но все время что-то не складывалось. «Тоттенхэм» не поднимался выше четвертого места с 1990 года, когда за клуб играли Гари Линекер и Пол Гаскойн, и регулярно расставался со своими лучшими футболистами, отпуская их в «МЮ», «Ливерпуль» и мадридский «Реал». Однако это только малая часть истории «Тоттенхэма», в которой неординарных событий легко наберется на несколько фильмов с Колином Фарреллом.

Так-то «Тоттенхэм» регулярно появлялся на передовой английского футбола – не всегда возвращаясь оттуда с трофеями, но неизменно ввязываясь в приключения. Возможно, все дело в прописке: в одноименном районе на севере Лондона селились в основном иммигранты и бедные англичане, и сочетание самого высокого уровня безработицы в городе с зафиксированным переписью рекордным числом национальностей (больше 250) привело к образованию такой зажигательной смеси, что вспыхивало здесь за секунду и полыхало так, что видела вся столица. В 1985 году конфликт между полицией и жителями квартала Бродвотер-фарм привел к жертвам с обеих сторон. Из устранения последствий решили сделать образцово-показательную операцию, выделив на благоустройство района 33 миллиона фунтов, утыкав его камерами наружного наблюдения и через 20 лет торжественно ликвидировав местный полицейский участок, потому что преступность упала до нуля. Но прошло еще шесть лет, и в соседнем районе шарахнуло снова: лондонские беспорядки 2011-го начались именно в Тоттенхэме и потом распространились по всему городу.

«Тоттенхэм» регулярно появлялся на передовой английского футбола – не всегда возвращаясь оттуда с трофеями, но неизменно ввязываясь в приключения.

Футбольный клуб из Тоттенхэма также регулярно выступал первопроходцем, зачинщиком, катализатором важных событий в английском футболе – к счастью, не таких тревожных, как бунты и погромы. В 1901 году «Тоттенхэм» стал первой и единственной командой в истории, выигравшей Кубок Англии, не числясь при этом в футбольной лиге. Во время награждения футболисты на радостях привязали накиданные с трибун ленты клубных цветов к ручкам трофея, а чиновники футбольной ассоциации превратили это в традицию и делают так до сих пор. Через 60 лет команда снова выиграла Кубок Англии, и главный тренер Билл Николсон, обычно сдержанный и, со слов журналистов, «считающий улыбку пустой тратой сил и времени», открыл в раздевалке несколько бутылок шампанского, вылил их прямо в трофей и пустил его по кругу. Первое коллективное распитие шампанского прямо из кубка очень быстро стало нормой, хотя официально ее, конечно, никто не утверждал. Николсон расчувствовался из-за того, что победа в Кубке позволила «Тоттенхэму» оформить в сезоне-1960/61 золотой дубль, первый в английском футболе в XX веке.

Николсон был известен выверенным, даже канцелярским подходом к тренерской работе. Он определял тактическую схему игры еще летом и предпочитал не менять ее по

ходу сезона, а между матчами занимался исключительно физической подготовкой команды. Он говорил, что не любит футболистов, которые хороши в чем-то еще кроме футбола или способны думать своей головой вместо того, чтобы выполнять указания тренера. Он даже запретил жене и двум дочерям появляться на стадионе «Уайт Харт Лейн», потому что боялся отвлечься от происходящего на поле. «Я получаю истинное удовольствие, когда усердная работа на тренировках приносит свои плоды во время игры и вознаграждается победами» – так Николсон сформулировал свое кредо; впрочем, его команда играла намного бодрее, чем звучали эти слова, регулярно забивая по два-три гола за матч. Единственной мечтой тренера, которую он осмелился высказать вслух, было достойное выступление в Европе – и через два года после дубля «Тоттенхэм» выиграл Кубок обладателей кубков, став первой английской командой, добившейся успеха на континенте.

Однако лидером «Тоттенхэма» был игрок, едва не поломавший Николсону все схемы. Полузащитник Дэнни Бланчфлауэр умел не расставаться с мячом даже в тех ситуациях, когда на нем висели два-три соперника, а когда наконец отдавал передачу, то неизменно выводил одного из форвардов на ударную позицию. На поле Бланчфлауэр был технарем и пижоном; вне поля увлекался модой, дружил с музыкантами, много читал про политику, а после завершения карьеры стал комментатором и журналистом. Николсон бурчал, что Бланчфлауэр незаменим только в хорошей команде, а в плохой он бы не справлялся с оборонительными обязанностями, но с Дэнни в роли капитана «Тоттенхэм» постепенно и стал этой хорошей командой. Вступая в заочный спор с философией Николсона, Бланчфлауэр однажды заявил, что в футбол играют не ради побед, а ради славы, и лучшим моментом в карьере считал телефонный звонок, раздавшийся в его квартире на следующий день после чемпионского парада по улицам района, на который вышли полмиллиона жителей Северного Лондона. Звонил викарий из церкви, которая находилась рядом с «Уайт Харт Лейн». «Дэнни, – сказал он. – Ваш футбол уже популярнее нашей религии». Бланчфлауэр с удовольствием согласился.

Одним из адресатов голевых передач Бланчфлауэра в следующем после золотого дубля сезоне был нападающий Джимми Гривз – еще один исключительный игрок, бывший первым на всех фронтах футбольной и нефутбольной деятельности. Он начал карьеру в «Челси», дебютировал во взрослом футболе уже в 17 лет, забил в первом же матче (между прочим, именно «Тоттенхэму») и за четыре первых сезона наколотил больше 120 голов, дважды став лучшим бомбардиром чемпионата. Гривза признали лучшим молодым игроком Европы и продали в «Милан», где он немедленно затосковал по родине, набрал вес, объедаясь пиццей, а затем врезал плюнувшему в него игроку «Интера» во время миланского дерби и был продан обратно в Англию – в «Тоттенхэм», который быстрее всех собрал 100 тысяч фунтов. Гривз был лучшим бомбардиром команды на протяжении девяти сезонов подряд и к концу карьеры установил невероятное, никем не превзойденное достижение: 357 мячей в высшем английском дивизионе. Такого себе не позволяли даже довоенные форварды.

Впрочем, рядом с именем Гривза в историю английского футбола вписаны не только три с половиной сотни голов, но и два напитка – пиво и бульон. Горячий, почти кипящий, сверхпитательный бульон под названием «Боврил» (bovril), который часто разводят водой, чтобы его хоть как-то можно было пить, стал предметом культа у болельщиков; специфический вкус и согревающие свойства «Боврила» для многих поколений были первой ассоциацией с футболом. Писатель Джон Николсон объяснял этот феномен так: «Кто-то любит „Боврил“, кто-то терпит его вкус, но большинство, безусловно, его ненавидят. Его продолжают продавать на стадионах исключительно в целях сохранения традиций. Мы, британцы, предпочитаем с мазохистской стойкостью употреблять продукты, которые нам не нравятся, – вместо того, чтобы признать, что они ужасны». В конце 50-х Гривз снялся в рекламе «Боврила», благодаря чему немедленно заработал уважение болельщиков всей страны: хоть один

из наших кумиров, подумали они, снизошел до простого народа. Одноклубники, правда, смеялись над ним до конца карьеры.

Гривз не раз засиживался в пабах с болельщиками, которые не позволяли ему платить за выпивку и наливали до тех пор, пока футболиста не увозили домой.

С пивом получилось печальнее. Играя в «Тоттенхэме», Гривз не раз засиживался в пабах с болельщиками, которые не позволяли ему платить за выпивку и наливали до тех пор, пока футболиста не увозили домой. Гривз не искал общества селебрити, ему больше нравилось общаться с простыми рабочими, которые никогда не ругали его за промахи (потому что Гривз не промахивался), зато готовы были в сотый раз выслушать историю о том, как он получил травму в матче группового этапа ЧМ-1966 и восстановился аккуратно накануне финала, но его место в основе прочно занял Джефф Херст, который забил три мяча в решающем матче и сделал Англию чемпионом мира на «Уэмбли». Гривз совершенно не злился на своего сменщика, но вся страна понимала, что на месте Херста должен был быть лучший бомбардир всех времен. Постепенно пивная норма Гривза дошла до 20 пинт в день, и тогда игрока пришлось спасать: он вступил в общество анонимных алкоголиков, вылез из него и стал первым знаменитым футболистом, который подробно рассказал о борьбе с зависимостью. «Был бы очень признателен, если бы кто-то напомнил мне, как я провел 70-е», – шутил потом Гривз, ставший телеведущим, футбольным экспертом и, разумеется, легендой «Тоттенхэма».

Команда Николсона, Бланчфлаура и Гривза стала причиной еще одного дебюта в английском футболе, только он состоялся не на поле, а в ложе прессы. Болельщица «Тоттенхэма» Джули Уэлч устроилась на работу в газету The Observer секретаршей, провела первые два года, с ее слов, «обсуждая футбол с коллегами в пабах», и в 1969 года редактор спортивного отдела отважился отправить ее на матч. Когда она вышла на трибуну, сразу двое журналистов попросили ее принести чай, а один потребовал починить сломанный телефон. На следующий день газета вышла с отчетом Уэлч об игре, и в редакции тут же раздался звонок от внимательного читателя: «У вас ошибка в имени! Не Джули, а Джулиан!» Первой в истории женщине, ставшей футбольным репортером в общенациональной газете, удивлялись еще долго, но Уэлч знала абсолютно все о «Тоттенхэме» и блестяще писала – так, что после ухода из газеты стала автором нескольких сценариев и книг. «„Тоттенхэм“ – клуб для исключительных игроков и исключительных историй. Потому я так его и люблю», – утверждала Уэлч.

Пожалуй, самая исключительная из этих историй началась в 1978 году. После чемпионата мира в Аргентине, где победила сборная хозяев, в «Тоттенхэм» перешли Освальдо Ардилес и Рикардо Вилья, первые легионеры из этой страны в чемпионате Англии. Процесс покупки футболистов из-за океана был тогда устроен удивительно просто: тренеру достаточно было прилететь в страну с чемоданом наличных, вручить его владельцу клуба (желательно не на виду у людей диктатора Перона), посадить игрока в самолет и вернуться в Англию. Когда тренеру «Тоттенхэма» Киту Беркиншоу сообщили, что один из чемпионов мира, основной центральный полузащитник аргентинской сборной Освальдо Ардилес, готов покинуть страну, ему пришлось советоваться по поводу игрока с легендарным комментатором BBC Джоном Мотсоном – из-за отсутствия международных скаутов Мотсон тогда был единственным, кто видел Ардилеса в деле. Беркиншоу прилетел в Аргентину и решил заодно купить нападающего Вилью, который в первую очередь должен был помочь Ардилесу не заскучать за границей.

Аргентинцы сразу же поразили Англию, но им потребовалась еще пара сезонов, чтобы ее покорить. Щуплый техничный Ардилес сразу стал игроком стартового состава, научился не проигрывать единоборства плечо в плечо и привык к тому, что за удачный дриблинг, счи-

тавший на родине нормой, тут ему аплодирует весь стадион. Вилье потребовалось больше времени, потому что его любовь к обводке ценилась намного меньше: нападающие в Англии должны были на полной скорости вбегать в штрафную и замыкать навесы с флангов, а он отходил за мячом вглубь поля и пытался финтить. Однако постепенно Ардилес и Вилья нашли общий язык с Гленном Ходдлом, самым одаренным игроком той команды, и приучили центрфорварда Гарта Крукса к мягким передачам низом. В 1981 году «Тоттенхэм» дошел до финала Кубка Англии. Первый матч закончился со счетом 1:1, Вилья провалил игру и был заменен во втором тайме, зато в переигровке забил дважды, и второй мяч стал одним из самых знаменитых голов в финалах на «Уэмбли». Вилья получил пас в десяти метрах от штрафной, замедлился, обманул финтом первого защитника, прокинул мяч между двумя другими, резко поменял направление и снова обыграл первого, а потом пропихнул мяч между ног вратаря.

В следующем сезоне «Тоттенхэм» преобразился и показал лучший результат в чемпионате за десять лет. Команда также добралась до полуфинала Кубка Англии, но за день до матча грянула война: аргентинские войска высадились на Фолклендских островах и вступили в бой с британским гарнизоном. Ардилес и Вилья узнали об этом прямо перед игрой, вывели «Тоттенхэм» в финал, но потом всерьез задумались о своем положении: по сути, в глазах англичан они превратились в представителей страны-агрессора и к тому же постоянно находились на виду. В следующем матче болельщики «Тоттенхэма» вывесили плакат «Отдайте Фолкленды, но оставьте нам Ардилеса», однако фанаты соперника стали освистывать аргентинцев при каждом касании мяча. Напряжение росло, и когда перед финалом Кубка Ардилес уехал в расположение сборной Аргентины, многие сочли это бегством, хотя игрок и клуб договорились об этом заранее. Не попадавший в сборную Вилья просидел оба финальных матча на скамейке запасных. «Тоттенхэм» завоевал трофей во второй раз подряд, но, в отличие от финала-1981, эта победа практически никогда не упоминается в числе самых заметных достижений клуба. Кубок кубком, но из-за войны «Тоттенхэм» потерял двух важных игроков.

Ардилес считает эти два с половиной месяца худшими в своей жизни. «Если бы не война, меня бы признали игроком года в Англии», – вспоминал он. Вместо этого Ардилес пропустил концовку сезона, Аргентина провалила ЧМ-1982, игрок не нашел сил вернуться в Англию и ушел в аренду в «Пари Сен-Жермен». Тем временем его двоюродный брат погиб на войне. Через год Ардилес все-таки вернулся в Лондон и даже дошел с командой до финала Кубка УЕФА-1984, но болельщики «Тоттенхэма» до сих пор называют события 1982-го переломным моментом в истории клуба: как только первый аргентинский легионер был готов покорить английский футбол, в дело вмешалась международная политика. Самое удивительное, что судьба в каком-то смысле вернула долг Ардилесу и Вилье: в 2014 году они попали в тяжелую автомобильную аварию на Фолклендах во время съемок документального фильма об их карьере, и первым на помощь прилетел вертолет британской армии.

Болельщики «Тоттенхэма» вывесили плакат «Отдайте Фолкленды, но оставьте нам Ардилеса».

Может быть, удивительные сюжеты в истории «Тоттенхэма» нарисовывались еще и потому, что на трибунах «Уайт Харт Лейн» на протяжении полувека сидел человек с невероятным воображением, в голове которого искусство и футбол перемешались таким образом, что разделить их оказалось решительно невозможно. Его звали Пол Тревильон, он начал ходить на стадион с пяти лет, а к десяти его родители обнаружили, что Пол не умеет ни читать, ни писать, зато знает в лицо всех футболистов резерва, а еще регулярно получает в школе высшие баллы по рисованию. Кроме футбола и карандашей, его не интересовало

вообще ничего, и обучить его грамоте удалось лишь путем полугодового запрета на рисование и посещение стадиона.

К концу школы Тревильтон стал довольно известным художником, и его пригласил на чашку кофе сам Уинстон Черчилль. Пол набросал его портрет карандашом, Черчилль пришел в восторг и поставил на портрете автограф – в общем, именно благодаря встрече с добродушным толстячком, за девять лет до того объявившим холодную войну, Тревильтон смог впоследствии заниматься тем, чем всегда хотел. Сначала он рисовал для газет, затем только для спортивных газет, а в начале 60-х сделал свой первый выпуск «Roy of the Rovers» – знаменитого английского футбольного комикса, на котором выросли все послевоенные поколения болельщиков и даже игроков. Главный герой комикса по имени Рой Рэйс выиграл со своей командой «Мелчестер Роверс» несчетное число трофеев, дружил с сэром Альфом Рэмзи, пережил покушение бандитов и вертолетную аварию, а также умудрился однажды подписать участников нью-вейв-группы Spandau Ballet.

«Roy of the Rovers» был настоящей энциклопедией британской футбольной жизни, а Тревильтон рисовал картинки для этой энциклопедии на протяжении 40 лет. Какое-то время Пол считал это забавой, пока не услышал на тренировке «Тоттенхэма», как один игрок жалуется тренеру на другого: «Он ведет себя как Рой из „Роверс“!» Тревильтон понял, что жизнь начинает имитировать искусство, а это значит, что он посвятил себя правильному делу – и правильному клубу, где регулярно случается нечто неповторимое или что-то происходит в первый раз, от шампанского в кубке и 100-тысячного трансфера Джимми Гривза до первых легионеров в Англии и 100-миллионного трансфера Гарета Бэйла. Неоригинальной была только та самая фраза Колина Фаррелла из фильма, потому что за 17 лет до нее Ник Хорнби написал о соседях «Тоттенхэма» из Северного Лондона примерно то же самое: «„Арсеналу“ слабо победить в чемпионате, но команда достаточно сильная, чтобы не опуститься вниз».

Глава 4 «Барнет» и покатое поле

Больше ста лет, с 1907-го по 2013-й, на севере Лондона существовал футбольный аттракцион под названием «Андерхилл». Снаружи он выглядел как стадион, – собственно, это и был стадион футбольного клуба «Барнет», – но самое интересное скрывалось внутри. Во-первых, вокруг поля стадиона вместо обычных четырех стояли сразу семь трибун. Центральная, с широкими бетонными ступенями и барьерами-разделителями, осталась еще со времен дореформенного стоячего футбола. Напротив и за воротами построили две современные трибуны, без опорных столбов и с пластиковыми сиденьями. По обе стороны от второй центральной располагались комичные загончики, как будто перенесенные сюда по кирпичику из ближайшего детского сада. Гостевую стоячую трибуну, вероломно лишенную крыши, ограничивала высокая глухая стена. Наконец, в углу стадиона стоял зарешеченный домик с двускатной крышей, откуда тоже можно было смотреть футбол.

Во-вторых, со всех семи разномастных трибун открывался удивительный вид на газон, который многих заставлял протирать глаза. Поле на «Андерхилле» было наклонным. Левый край крытой стоячей трибуны вмещал на три ряда меньше, чем правый, мяч катился по газону в одну сторону намного быстрее, чем в другую, и матчи на «Андерхилле» всегда проходили с соблюдением разных ритуалов и хитростей, которые должны были позволить «Барнету» получить хоть какое-то преимущество над соперниками. Например, хозяева всегда разминались на той половине поля, где мяч катился навстречу игроку, а второй тайм предпочитали играть под горку, чтобы быстрее добираться до чужих ворот. Кроме того, перед началом матча игроки «Барнета» всегда выстраивались на более высокой половине, чтобы казаться выше и убедительнее соперников. Эти приемы помогали им спастись от вылета из четвертого дивизиона в трех сезонах подряд, с 2010-го по 2012-й.

Когда к покатою полю привыкли более-менее все соперники и «Барнет» уже одной ногой вылез за пределы профессиональной лиги, в Северный Лондон приехал трехкратный чемпион Италии, победитель Лиги чемпионов и полуфиналист чемпионата мира – знаменитый голландец Эдгар Давидс, лютый опорный полузащитник по прозвищу Питбуль, который решил вернуться в футбол и спасти клуб в должности играющего тренера. Я приехал посмотреть на боевого коротышку в очках и с дредами осенью 2012-го: «Барнет» играл с командой «Аккрингтон Стэнли», футболисты которой в первые полчаса матча боялись даже приблизиться к Давидсу: он сразу же срубил одного жестким, но чистым подкатом, а попытки вступить в отбор пресекал быстрым своевременным пасом. Голландец успевал отправлять вингеров «Барнета» в забеги по флангам (которые, впрочем, всегда заканчивались неточными подачами) и оберегать бестолкового опорного полузащитника своей же команды от любых контактов с мячом или соперником – иначе того удалили бы еще до перерыва.

Игроки «Барнета» всегда выстраивались на более высокой половине, чтобы казаться выше и убедительнее соперников.

За пару месяцев до того я видел, как за ФК «Уэмбли» играет 46-летний Клаудио Каниджа. Благородно постаревшего аргентинца хотелось немедленно перевезти из Северного Лондона в Неаполь, поставить против него таких же седеющих ветеранов и часами любоваться породистым футболом рубежа 90-х. При взгляде на Давидса не мечталось ни о чем – напротив, промозглым вечером пятницы на лондонской окраине 39-летний футболист выступал в роли лидера команды четвертого дивизиона, и в этом не было ничего ностальгического. Когда безголового опорника заменили, а «Барнет» пропустил, Давидс продолжал в одиночку гонять соперников по полю – и сам не заметил, как получил две желтые карточки.

Болельщики «Барнета» аплодировали удаленному капитану так восторженно, будто в четвертый раз подряд спаслись от вылета.

Обычно похожие истории просто восхищают – например, как чемпион мира и Европы Давид Трезеге тянул аргентинский «Ривер Плейт» обратно в высшую лигу, а лучший игрок Евро-2008 Маркос Сенна оставался в секунде спасать «Вильярреал», – но случай с Давидсом добавил им какое-то совершенно новое измерение. Великий игрок с завидной карьерой перешел в клуб, где нужно молча брать лопату и разгребать все, что прикатилось по наклонному газону «Андерхилла», и вложил в это занятие столько же страсти, самоотдачи и убийственной простоты исполнения, что и во всю свою карьеру. Давидс в «Барнете» был настоящим героем рабочего класса, но такие истории не всегда заканчиваются хеппи-эндом: клуб в итоге все-таки вылетел в пятый дивизион и покинул удивительный, но мало пригодный для футбола стадион с семью трибунами и покатым полем. Теперь там играет команда по регби.

Часть 2 Восточный Лондон

Глава 1 «Вест Хэм Юнайтед» и Кубок мира в стране кокни

Год на Клондайке в разгар золотой лихорадки позволил Джеку Лондону накопить сюжетов и образов на целую литературную карьеру. Три месяца в городе, с которым писатель делил фамилию, привели к появлению его лучшей публицистической работы – книги «Люди бездны», сборника очерков о жизни Ист-Энда, самого турбулентного лондонского

района в XX веке. К приезду Лондона Ист-Энд представлял собой хмурый, бедный, опасный, но уже довольно большой пригород, когда-то присосавшийся к Сити после сноса построенной еще римлянами городской стены. Ист-Энд был печально известен преступностью, проституцией, пьянством и родившейся из перечисленных проблем страшной историей Джека-потрошителя. Здесь оседали первые масштабные волны иммиграции: еврейской, китайской, восточноевропейской; здесь же в свое время отсиживались Ленин, Сталин, Троцкий и другие протокоммунисты. Выходец из калифорнийской бедноты, Джек Лондон приехал сюда именно для того, чтобы посмотреть, как живет угнетенный пролетариат, но реалии Ист-Энда потрясли даже его.

«Трудно описать хотя бы десятую долю того, что я увидел. Для многого просто не подыщешь слов. Могу сказать только, что это было нечто кошмарное – какое-то сборище отбросов человечества; это был зверинец, где расхаживали двуногие в брюках и юбках, лишь отдаленно похожие на людей, а в остальном скорее звери. Картину дополняли стражи в мундирах с медными пуговицами, наводившие порядок, если в зверинце начинали вести себя слишком беспокойно», – очевидно, что Лондон был шокирован, и этот шокирующий эффект Ист-Энд в каком-то смысле производит до сих пор. До Второй мировой войны тут шумели анархисты и британские фашисты, после войны начался приток иммигрантов из Южной Азии, появился Банглатаун и сопутствующие любому массовому переселению проблемы, которые удалось погасить лишь ближе к концу века. В 60-е лондонские власти стали застраивать район огромными бетонными многоквартирными домами в стиле брутализм, которые потрясающе выглядели, но были совершенно не приспособлены для жизни и постепенно превратились в очаги социального напряжения.

Ист-Энд редко мог похвастаться качеством жизни, зато ее интенсивность привлекала и туристов, и предпринимателей, и богему. В начале 90-х улица Брик-лейн с блошиными рынками и индийскими ресторанами стала главной местной достопримечательностью, на месте бывших доков на Темзе построили новый финансовый центр Лондона с гигантскими небоскребами, а фильмы Гая Ричи «Карты, деньги, два ствола» и «Большой куш» официально сделали Ист-Энд частью поп-культуры – и там, где раньше жили гангстеры, поселились хипстеры. Восточный Лондон, границы которого заметно продвинулись дальше по течению Темзы в сторону моря, остался непричесанным, буйным, стремным районом, просто теперь его контрастный портрет стал еще более контрастным. Разумеется, Ист-Энд никак не мог обойтись без своей футбольной истории, перекликающейся с судьбой района: порой она была полна ужаса и отвращения, а порой – счастья, славы и богатства.

Главным футбольным клубом Ист-Энда всегда был «Вест Хэм Юнайтед». Стадион «Болейн Граунд», он же «Аптон Парк», находился в паре миль за чертой формальной границы района, но здесь плевать хотели на формальности: клуб основали рабочие кузнечного цеха в доках Темзы, так что его аутентичность никто не ставил под сомнение. Болельщики «Вест Хэма» также ассоциировали себя с другим важным для Восточного Лондона понятием – кокни. Это слово обозначало и людей, родившихся в пределах слышимости колокольного звона главной церкви Ист-Энда Сент-Мэри-ле-Боу, и деревенский задиристый акцент. Также у кокни в ходу был рифмованный сленг: вместо beer (пиво) они говорили pig's ear (свиное ухо), вместо milk (молоко) – satin and silk (атлас и шелк), и это еще самые простые примеры. Так вот, колокола Сент-Мэри-ле-Боу фигурируют в одной из фанатских песен, а сама команда даже попала в сленг кокни: «Нервы – „Вест Хэма“ резервы» (nerves – West Ham reserves).

На фоне беспокойной и насыщенной жизни Восточного Лондона «Вест Хэм» существовал в довольно-таки безмятежном режиме до начала 60-х, пока клуб не возглавил тренер Рон Гринвуд, одержимый тактикой и мечтающий воспитать новое поколение английских игроков. У него получилось: в 1964 году «Вест Хэм» выиграл на «Уэмбли» Кубок Англии,

первый большой трофей в своей истории, причем капитаном команды был 23-летний Бобби Мур, которого Гринвуд превратил из опорника в центрального защитника. Через год, снова на «Уэмбли», «Вест Хэм» встретился в финале Кубка обладателей кубков с немецким клубом «Мюнхен 1860» и победил. Несложно догадаться, что произошло на «Уэмбли» еще через год: сборная Англии у себя дома впервые стала чемпионом мира, и трофей над головой опять поднимал Бобби Мур – на этот раз в статусе капитана главной команды страны. При этом единственный в истории хет-трик в финале чемпионата мира сделал форвард «Вест Хэма» Джефф Херст, а еще один гол добавил полузащитник той же команды Мартин Питерс.

В 1966-м все жители Ист-Энда уверовали: это «Вест Хэм» выиграл для Англии Кубок мира.

Болельщики других команд обычно смеются над этим утверждением (особенно потому, что «Вест Хэм» с тех пор выиграл еще два трофея, а Англия – ни одного), но оно не лишено смысла. Работа с одержимым тактической подготовкой Роном Гринвудом позволяла игрокам «Вест Хэма» легче подстраиваться под требования тренера сборной Альфа Рэмзи, в то время как другие футболисты не всегда могли выйти за пределы привычных им клубных амплуа. Бобби Мур был не самым быстрым защитником, зато прекрасно читал игру, и потому в пару к нему можно было ставить более атлетичного, но хуже соображающего на поле игрока. Джефф Херст, также переученный Гринвудом из крайнего полузащитника в центрфорварда, попал в сборную только накануне ЧМ-1966, а в основном составе оказался уже по ходу турнира из-за травмы лучшего нападающего англичан Джимми Гривза. Наконец, Питерс тоже сначала был запасным в сборной, но пробился в основу благодаря отличному взаимопониманию с двумя другими игроками «Вест Хэма». То есть сборную Англии теоретически можно было представить без Херста, Питерса и даже Мура, но одержать без них победу на ЧМ-1966 она бы точно не смогла.

Символом триумфа «Вест Хэма» на чемпионате мира стала знаменитая фотография, на которую попали все три игрока команды. На заднем плане – ликующий «Уэмбли»; на переднем стоит Мартин Питерс и смотрит на Бобби Мура с кубком в руке, сидящего на плечах двух игроков. За правое бедро Мура держит автор хет-трика Джефф Херст, горделиво отклонившийся назад и бросающий в камеру слегка надменный взгляд победителя. С другой стороны ногу Мура двумя руками обхватил человек, которому в этой ситуации явно некомфортно: на его лице застыла гримаса, а Мур еще и перенес на него свой вес, оперевшись на плечо. Это скромный защитник «Эвертона» Рэй Уилсон, который вспоминал, что после финального свистка он хотел убежать праздновать к болельщикам на другой конец «Уэмбли», но его попросили помочь поддержать Мура для фотографии, и он привычно согласился. В 2001 году «Вест Хэм» решил поставить памятник героям ЧМ-1966 по мотивам этой фотографии, но поддерживающего Мура Уилсона невозможно было убрать из композиции. Тогда скульпторы решили хотя бы заменить его приоткрытый от усердия рот нейтральной полуулыбкой. В итоге у «Болейн Граунд» стоят три игрока из «Вест Хэма» и один – из «Эвертона».

После ЧМ-1966 Бобби Мур стал самым популярным спортсменом в Англии и, пожалуй, считается им до сих пор. Его не раз признавали лучшим игроком в истории клуба и сборной, Пеле называл его своим самым сложным соперником, «Вест Хэм» вывел из обращения его 6-й номер, причем в Англии это впервые было сделано не по причине трагической смерти футболиста, а в знак признания заслуг перед игрой. Кроме того, Мур стал первым футболистом, возведенным в статус легенды Ист-Энда. Он ведь еще и родился в Баркинге, восточном пригороде Лондона, и чувствовал себя в окрестностях «Аптон Парк» примерно так же, как житель Химок – на Ленинградском проспекте. Когда ему ставили персональный памятник перед заново выстроенным «Уэмбли» (еще одна небывалая почесть), на пьедестале написали не только «Идеальный футболист. Национальное достояние. Джентльмен на

все времена», но и «Любимый сын лондонского Ист-Энда» – и пусть это определение не каждый счел бы комплиментом, зато оно было преисполнено местечковой гордости.

Впрочем, Бобби Мур был чересчур идеальным игроком для того, чтобы в полной мере представлять «Вест Хэм» и Ист-Энд. Здесь обычно любили футболистов со взрывным характером и сложной судьбой вроде Паоло Ди Канио или Стюарта «Психа» Пирса, а одним из самых показательных персонажей в истории клуба остается Харри Реднапп, родившийся в паре миль от стадиона. Реднапп начал в «Вест Хэме» карьеру игрока, а через 20 лет вернулся сюда в качестве помощника тренера с, мягко говоря, нестандартными методами работы: после тренировок он проверял, достаточно ли сильно вспотели футболисты, тактику объяснял выражениями «бежишь сюда» и «бежишь отсюда» и просил вписать за него состав команды в протокол, потому что не умел обращаться с шариковой ручкой. Зато в одном из предсезонных матчей, где Реднапп руководил командой в отсутствие главного тренера Билли Бондса, он выпустил на поле болельщика: тот весь первый тайм громко критиковал центрфорварда «Вест Хэма», так что в перерыве Реднапп вручил фанату бутсы и футболку с третьим номером – и отправил играть в нападение. Болельщик, гонявший мяч с друзьями по воскресеньям, оказался не самым плохим футболистом и даже забил гол, пусть его и не засчитали из-за офсайда.

На той же неделе Реднаппа назначили главным тренером команды – вопреки легенде, вовсе не из-за случая с болельщиком, а потому что Харри банально подселел пригласившего его на работу Бондса. Стиль излишне самоуверенного, но эффективного мотиватора как нельзя лучше подходил «Вест Хэму», и Реднапп провел в клубе шесть не самых плохих сезонов. С ним команда выиграла Кубок Интертото-2000, а наибольших успехов Харри добился на трансферном рынке, где ему не было равных из-за умения торговаться, завышать отступные, отщипывать комиссионные и ссорить игроков с агентами ради собственной выгоды. Реднапп сумел обратить в свою пользу даже одну потенциально большую ошибку. В 1994 году ему на просмотр привезли 18-летнего Андрея Шевченко, еще толком не пробившегося в основу киевского «Динамо». Тренер «Вест Хэма» сразу понял, что парень в порядке, но побоялся платить за него миллион фунтов, тем более что агентами Шевченко, по словам Реднаппа, были «два страшных украинских бандита». Причем Харри рассказал об этом случае только после того, как Шевченко провалился в «Челси», – и избежал таким образом упреков в том, что он упустил будущую звезду премьер-лиги.

Болельщик, гонявший мяч с друзьями по воскресеньям, оказался не самым плохим футболистом и даже забил гол.

Реднапп покинул «Вест Хэм» в 2001 году, но в его истории продолжают появляться люди, тесно связанные с Ист-Эндом. Сейчас клуб принадлежит бизнесменам Дэвиду Голду и Дэвиду Салливану – первый вырос в Восточном Лондоне в семье бывшего гангстера, занимался в детстве футболом в академии «Вест Хэма» и какое-то время жил напротив стадиона, второй болел за клуб со времен студенчества и сделал состояние на порнографических журналах и фильмах; теперь они вдвоем занимаются благотворительностью и являются идеальным собирательным образом чрезмерно предприимчивых жителей Ист-Энда на протяжении последних ста лет. В роли футбольных директоров Голд и Салливан также преуспели: «Вест Хэм» начнет сезон-2016/17 на 54-тысячном Олимпийском стадионе, который был построен в Стратфорде (это тоже Восточный Лондон) к Играм 2012 года. На стадион также претендовали «Тоттенхэм» и «Лейтон Ориент», но Голд, Салливан и давно работающая вместе с ними вице-президент «Вест Хэма» Каррен Брэйди решили все в свою пользу. Клуб будет платить за аренду стадиона всего 2,5 миллиона фунтов в год – при желании эту сумму можно отбить одним аншлаговым матчем.

Каррен Брэйди тоже считают в Ист-Энде своей, хоть она и родилась в Северном Лондоне. В 1993 году будущая баронесса пришла работать в «Бирмингем», в 95-м вышла замуж за футболиста Пола Пескисолидо, в 2010-м устроилась в «Вест Хэм». В «Бирмингеме» Брэйди занималась финансами – при ней клуб впервые вышел на самоокупаемость, перестал платить агентам завышенные комиссионные и справился с последствиями вылета из премьер-лиги. Главная причина, по которой Брэйди считают самой влиятельной женщиной в английском футболе, – ее политические способности; грубо говоря, умение договариваться. Сначала она усиливала позиции «Вест Хэма» в премьер-лиге (в организации, не в турнире), объединившись в коалицию с Питером Кеньоном («Манчестер Юнайтед») и Дэвидом Дином («Арсенал»). Затем завоевывала широкую аудиторию, одновременно выступая за увеличение роли женщин в бизнесе и поддерживая Консервативную партию. Последним достижением Брэйди стал переезд «Вест Хэма» на новый стадион – и есть предчувствие, что этот период в истории клуба может стать самым успешным со времен Бобби Мура.

Глава 2

«Миллуолл» и футбольное насилие

В Лондоне есть еще один клуб, принципиально считающий себя частью футбольного Ист-Энда, хотя он базировался там лишь на протяжении первых 25 лет своей 130-летней истории. «Миллуолл», как и «Вест Хэм», был основан докерами, но на родном Собачьем острове в излучине Темзы было совершенно негде развернуться, из-за чего пришлось перебраться на другой берег реки. В 1910 году «Миллуолл» формально оказался в Южном Лондоне, но продолжал ассоциировать себя с Восточным: суровые нравы и беспокойная жизнь Ист-Энда прекрасно отражали идентичность клуба, который называл себя «Львами», свой стадион – «Логовом», а девизом выбрал фразу «Мы никогда не повернемся к врагу спиной». Этим врагом стал «Вест Хэм». Принципиальное соперничество между клубами возникло просто по факту соседства, а во взаимную ненависть превратилось в 1926 году, когда докеры из Миллуолла выступили штрейкбрехерами во время забастовки на Темзе.

подавляющее большинство матчей «Миллуолла» и «Вест Хэма» прошло до войны, а затем пути команд разошлись: «Вест Хэм» с Бобби Муром отправился к титулам и прочно засел в высшем дивизионе, а «Миллуолл» за всю свою историю провел в элите всего два сезона, с 1988 по 1990 год. Из-за отсутствия регулярных встреч на поле вражда между клубами стала главным развлечением болельщиков, тем более что территории влияния были четко разграничены рекой и фанатов «Миллуолла» неудержимо тянуло в когда-то покинутый Ист-Энд, чтобы доказать, кто там на самом деле хозяин. В 1960-е соперничество было серьезно подогрето противостоянием двух крупнейших банд Лондона. Ист-Энд контролировали братья-близнецы Ронни и Реджи Крэй, которые со временем подмяли под себя и богему, и политиков, и игровой бизнес, превратившись в самых легендарных гангстеров Англии XX века. До захвата власти в городе братья убрали с дороги главных конкурентов, банду Ричардсонов из Южного Лондона, причем одного из их вожаков Ронни Крэй лично застрелил в пабе. Братья Крэй были равнодушны к футболу, предпочитая бокс, но для фанатов «Вест Хэма» и «Миллуолла», особенно близких к криминальным кругам, война с Ричардсонами являлась прямой заменой нечастым дерби.

Вскоре после того, как братьев Крэй посадили в тюрьму, началась эпоха футбольных хулиганов. Помимо очевидных причин – безработицы, дешевого алкоголя, радикализации субкультуры скинхедов, адреналина и тестостерона, – появление организованных футбольных банд, или фирм, также было обусловлено двумя на первый взгляд безобидными коммерческими идеями. В начале 70-х тогда еще государственная железнодорожная компания British Rail придумала специальные футбольные поезда, перевозившие исключительно болельщиков на выездные матчи по слегка заниженным ценам. Поезда забивались до отказа, но целые составы с фанатами было сложнее контролировать, к тому же они регулярно устраивали погромы в вагонах, причиняя British Rail убытки даже на фоне высоких продаж билетов. Второй причиной внезапно стал стиральный порошок Persil, куда клеивали железнодорожные купоны на бесплатные поездки; многие лидеры хулиганских фирм вспоминали, что в детстве они специально просили родителей почаще стирать, чтобы потом вырезать купоны из упаковок и отправляться туда, где было весело. Лозунг рекламы Persil гласил: «Навестите тех, по кому скучаете».

Многие лидеры хулиганских фирм вспоминали, что в детстве они специально просили родителей почаще стирать.

Фирмы «Вест Хэма» и «Миллуолла» заметно отличались. Группировка «молотков» Inter City Firm одной из первых стала одеваться в «кэжуал» и ездить на обычных междугород-

них поездах (отсюда и название). Группировка «Миллуолла» Bushwackers меньше интересовалась модой и часто устраивала погромы не только на выездных матчах, но и на собственном стадионе. Однажды после очередных беспорядков Бобби Робсон в сердцах призвал полицию стрелять по хулиганам из огнеметов. Вражда Inter City Firm и Bushwackers, а также других мелких бандформирований, связанных с «Вест Хэмом» и «Миллуоллом», была в 70–80-е самой ожесточенной в Англии и не избежала множества экранизаций. Лучший фильм на эту тему – «Фирма» с Гэри Олдманом; худший – голливудская картина «Хулиганы Зеленой улицы» с Элайджей Вудом, над которой в Англии принято смеяться в том числе из-за того, что родившийся в Ньюкасле актер Чарли Ханнэм, играющий лидера фанатов «Вест Хэма», никак не мог перестроиться с северного акцента джорди на лондонский кокни и речь его в итоге звучала совершенно недостоверно. А еще одному фильму, «Кокни против зомби», удалось идеально передать суть отношений фанатов двух клубов всего в одной сцене: полутрупы болельщиков «Вест Хэма» и «Миллуолла» продолжают добивать друг друга посреди зомби-апокалипсиса – вместо того, чтобы охотиться на уцелевших людей.

Игроки и тренеры обоих клубов всегда старались отгородиться от футбольных хулиганов, однако и там и там неизбежно заводились игроки, которых любили за свирепый нрав и жесткость на поле. Тедди Шерингем, выступавший за обе команды, вспоминал, что полузащитнику «Миллуолла» Терри Херлоку достаточно было рыкнуть на соперников, чтобы они на протяжении всего матча держались подальше от его страшных подкатов. Прощальный матч другого тафгая «Львов», защитника Харри Криппса, закончился дракой болельщиков с конной полицией прямо на поле стадиона. В истории «Вест Хэма» тоже был похожий эпизод: клуб провожал защитника Джулиана Дикса по прозвищу Терминатор, и в товарищеском матче с «Атлетиком» вспыхнула драка с участием 17 игроков с обеих сторон, Паоло Ди Канио влепил кому-то пощечину, был заменен против своей воли по решению судьи и в гневе швырнул капитанскую повязку на землю.

Напомню, что на фоне богатой истории околофутбольного насилия «Миллуолл» и «Вест Хэм» крайне редко встречались: всего лишь 16 матчей с 1960 года. Но обоюдный магнетизм болельщиков оказался настолько силен, что пережил не только стерилизацию фанатской культуры, проведенную после трагедии на «Хиллсборо», но и длительное отсутствие реальных дерби. В сентябре 2009 года, дождавшись нужного исхода жеребьевки Кубка лиги, одни фанаты полезли драться с полицией, другие достали ножи, третьи просто решили побегать по полю, четвертые пытались осквернить статую Муру, Херсту и Питерсу у стадиона «Болейн Граунд», которую пришлось упаковывать в деревянный ящик. Напуганная Англия хорошо запомнила этот день, и, когда Аврам Грант отправил «Вест Хэм» в объятия чемпионшипа, к этому были готовы не только болельщики «Львов», запустившие в небо Лондона самолет с лозунгом «Аврам Грант – легенда „Миллуолла“», но и те, кто на этот раз решил оставить их без дерби – по крайней мере, без того, которого они ждали.

Я побывал на последней на данный момент встрече двух команд в феврале 2012 года. Перед этим в Лондоне случилось немало событий, заслуживающих внимательного отношения со стороны стражей порядка, но ни королевская свадьба, ни визит Барака Обамы, ни акция Occupy Wall Street не собирали в одном месте такого количества полиции. Еще в метро всех фанатов «Миллуолла» загоняли в один вагон, не давали выйти из поезда за одну остановку до стадиона и выводили на улицу под внушительным конвоем. Грин-стрит, та самая Зеленая улица, ведущая от метро «Аптон Парк» к арене «Болейн Граунд», была перекрыта конными полицейскими, которые затем взяли гостевых болельщиков в кольцо и под самую сомнительную в мире кричалку – «Как прекрасен Восточный Лондон, посмотри!» – сопроводили их до турникетов, даже не подпустив к бургерам, фиш-энд-чипс и предматчевым программкам. Не говоря уже об алкоголе, который в тот день не продавали ни на стадионе, ни в радиусе пяти миль вокруг него.

Все это немного удивило фанатов «Вест Хэма» – они, по сути, даже не увидели своих врагов в лицо; те скрылись за лошадьми и яркими полицейскими жилетками. У входа на стадион было довольно тихо, как будто играть сюда приехала какая-нибудь заурядная команда. Главный сюрприз ждал внутри: весь нижний ярус гостевой трибуны был занят выведенным на креслах словом «United». Абсолютно всех болельщиков «Миллуолла» (их было полторы-две тысячи) загнали наверх, а внизу обосновались полицейские, по ходу матча раз пять или шесть деловито обходявшие пустую трибуну и заглядывая под сиденья. Кроме того, команды поменялись привычными сторонами поля – во втором тайме игроки «Вест Хэма» атаковали лицом к пустому ярусу, а их болельщики смотрели на это с дальней трибуны. Матч закончился так, как и должен был закончиться – победой первой команды чемпионшипа («Вест Хэм») над двадцатой («Миллуолл»). Единственным происшествием стало удаление полузащитника хозяев Кевина Нолана уже на 5-й минуте, но это совершенно не тронуло болельщиков, грустно смотревших друг на друга поверх непреодолимой разделительной полосы.

Глава 3

«Лейтон Ориент», «Спортинг Бенгал», «Сенраб» и истории адаптации

Восточный Лондон очень часто менялся. Каждое десятилетие район накрывала очередная волна иммиграции, внося коррективы в расовую и религиозную карту местности. Здесь образовывались диаспоры и общины, впоследствии определившие мультикультурный облик всего города и повлиявшие в том числе и на футбол. В 70-х почти все болельщики на стадионах были белыми и не хотели видеть в своих командах чернокожих игроков – пока в клубе «Лейтон Ориент» из самого сердца иммигрантского Восточного Лондона не заиграл футболист по имени Лори Каннингем. Он дебютировал в первой команде уже в 16 лет на позиции крайнего полузащитника и поразил сразу всем: скоростью, техникой, точными передачами и сильным ударом, а главное – необычайной легкостью движений, словно он не бегал с мячом, а танцевал. Каннингем действительно всерьез увлекался балетом и танцами, часто зависал до утра в клубах Вест-Энда и потом платил штрафы за опоздания на тренировки выигранными на танцевальных конкурсах деньгами.

Сначала ему было сложно даже среди своих. Когда тренер «Лейтон Ориент» Джордж Петчи собрал в команде чернокожего Каннингема, индийца Рики Хепполетта, нигерийца Джона Чидози и мулата Бобби Фишера, воспитанного в еврейской семье, фанаты клуба, состоявшие в праворадикальной партии «Британский национальный фронт», написали ему письмо с требованием выгнать «этих цветных» и продолжали освистывать футболистов во время матчей, пока не осознали, что те отменно играют в футбол. Каннингем вспоминал, что свои болельщики начали поддерживать его после невероятного гола в ворота «Челси», когда он обыграл четырех защитников, а вот чужие кидали в него с трибун бананы. Даже соперники на поле старались вывести его из равновесия расистскими оскорблениями, но Лори убежал от них, отдавал и забивал. Вскоре он стал первым чернокожим игроком в истории, сыгравшим за молодежную сборную Англии, а затем перешел за 100 тысяч фунтов в «Вест Бромвич». Ради этого ему пришлось отклонить предложение гарлемского театра из Нью-Йорка, куда его были готовы взять не футболистом, а танцором.

Ему пришлось отклонить предложение гарлемского театра из Нью-Йорка, куда его были готовы взять не футболистом, а танцором.

Через два года Каннингем стал первым английским игроком мадридского «Реала» и вторым по стоимости футболистом в мире. Его талант был настолько очевиден, что Лори называли будущей звездой сборной Англии, тренеры охотнее выпускали на поле темнокожих игроков, а дети африканских и карибских иммигрантов шли заниматься футболом. Кроме того, одноклубники Каннингема отмечали, что он был безупречно воспитан, учил их правильно есть устрицы и держать вилку с ножом, а также носил элегантные костюмы со шляпами и двцветными ботинками – то есть был идеальной ролевой моделью для расовой и культурной интеграции. В Испании Каннингема сначала тоже ждал успех: он прибыл в аэропорт Мадрида с пятью чемоданами одежды, через несколько месяцев ему аплодировали болельщики «Барселоны» за выдающуюся игру в класико, и в первом же сезоне он выиграл с «Реалом» чемпионат и Кубок Испании.

Однако потом карьера Каннингема пошла под откос. Вингера мучили травмы, а руководство «Реала» злилось, когда он пропускал матчи: в Испании можно было выпускать на поле только двух легионеров, и чиновники хотели найти кого-то более здорового. Не до конца восстановившегося Каннингема заставили сыграть в финале Кубка европейских чем-

пионов-1981, где «Реал» уступил «Ливерпулю». Он ничего не показал, надолго уселся на лавку и через два года покинул Мадрид, а затем начал мотаться между Францией, Англией и Испанией, играя через боль и без прежней скорости. В конце 80-х показалось, что дела Каннингема пошли на лад: он был запасным в «Уимблдоне» Винни Джонса и Джона Фашану, который обыграл «Ливерпуль» в финале Кубка Англии-1988, а в следующем сезоне гол Лори вывел его последний клуб, мадридский «Райо Вальекано», в высший испанский дивизион. Но через два месяца Каннингем разбился в автокатастрофе под Мадридом.

В отличие от выходцев из Африки, Америки и Восточной Европы, игроки пакистанского, индийского или бенгальского происхождения так и не прорвались в большой английский футбол. Их появления особенно ждали в северных городах с крупными азиатским диаспорами, вроде Бирмингема, Лестера, Лидса и Брэдфорда, и в 1998 году тренер «Лидса» Джордж Грэм даже сделал громкое заявление: «У „Ливерпуля“ есть Майкл Оуэн, а у нас – Харпал Синг», – но талантливый тинейджер затерялся в низших дивизионах. Самым успешным стал сын индийца Майкл Чопра, который начинал в «Ньюкасле», выходил на поле «Камп Ноу» в матче Лиги чемпионов, пытался закрепиться в «Сандерленде», но в итоге большую часть карьеры провел в подходящем ему по уровню чемпионшипе, где забил 70 мячей в 176 матчах. В итоге центр азиатского футбола в Англии оказался, естественно, в Восточном Лондоне, где в девятом дивизионе играют сразу две бенгальские команды: «Спортинг Бенгал» и «Бетнал Грин».

Зимой 2012 года я попал на бенгальское дерби на муниципальном стадионе «Майл Энд». Основатель «Спортинг Бенгал» по имени Сурот Миах рассказывал мне, что мечтал дать футболистам небританского происхождения возможность играть в небританский футбол: «Мы сохраняем и развиваем свой стиль игры. Бенгальцы редко вырастают выше 180 сантиметров, поэтому мы не тренируем всякие там подачи с флангов и борьбу в воздухе. Мы любим повозиться с мячом, обвести двоих-троих. Однако в английском футболе полно предрассудков, и скауты местных клубов просто не верят, что маленький щуплый парень из Азии может конкурировать со здоровяками, которые только и умеют, что прыгать и лупить по мячу».

Скауты местных клубов просто не верят, что маленький щуплый парень из Азии может конкурировать со здоровяками.

Дело, конечно, было не только в стиле игры, но и в менталитете: иммигранты из Азии приезжали в Англию с твердым намерением вырастить детей юристами, врачами, банковскими служащими, но уж точно не футболистами. Половина игроков «Спортинг Бенгал» – это все те же клерки, гоняющие мяч в свободное время и забывающие о футболе сразу после свистка. В 2010 году сборная Бангладеш, готовясь к участию в Южноазиатских играх, попыталась вызвонить из Лондона четырех футболистов. Один получил травму, другой сразу отказался, потому что сдавал экзамены в колледж, а еще двое с трудом выбили отпуск на работе, но не пробились в основу. С тех пор в сборную не ездил никто. Зато «Спортинг Бенгал» участвовал в Азиатских играх Великобритании, своеобразной олимпиаде для азиатских диаспор, и обыграл пакистанскую команду – правда, во многом благодаря тому, что за последние несколько лет зачислил в состав венесуэльца, нигерийца, пару коренных англичан и человека по имени Вассел Соплюк. Сурот объяснил, что все эти люди просто поселились по соседству, устроились на те же работы и в конце концов оказались в команде вместо нескольких бенгальцев. Даже если любимая игра Англии не сумела привести выходцев из Азии к успеху, она как минимум поспособствовала их интеграции в Восточном Лондоне.

В XXI веке здесь случилась еще одна показательная история социальной адаптации. Недалеко от стадиона «Вест Хэма», на другом конце Грин-стрит, находится детская футбольная академия «Сенраб», где воспитывались Сол Кэмпбелл, Джермейн Дефо, Ли Бойер,

Ледли Кинг и Джон Терри, который в 2011 году помог школе деньгами и спас ее от закрытия. Одним из выпускников «Сенраба» с менее громким именем был Адебайо Акинфенва – самый большой английский футболист современности, нападающий ростом 180 сантиметров и весом 100 килограммов.

Первая часть его карьеры прошла именно так, как вы себе представляете. Ему нечасто удавалось убежать от защитников. Ему постоянно приходилось слышать с трибун «Эй, жирный ублюдок!». За 10 последних лет он сменил 12 клубов, редко задерживаясь на одном месте. Стабильным был только его вес: он никогда не опускался ниже 100 килограммов, потому что больше жареной курицы Акинфенва любил только занятия в тренажерном зале. «Мой секрет прост: качалка и много углеводов» – так нападающий оправдывал свой внешний вид.

Акинфенва потратил очень много времени, чтобы доказать, что даже очень большой человек может играть в футбол. У него не получалось сбросить вес из-за генетических причин, зато получилось сжечь почти весь жир и заменить его мускулами. Он жал лежа 180 килограммов, выходил на разминку с гантелями в руках и во всех своих командах был чемпионом по армрестлингу. С трибун и по телевизору, особенно на фоне других игроков, Акинфенва по-прежнему выглядел толстяком, но, по крайней мере, его одноклубники знали, что это не так.

Акинфенва потратил очень много времени, чтобы доказать, что даже очень большой человек может играть в футбол.

В 2012 году Акинфенва забил сотый гол в профессиональном футболе, в его карьере однажды случился хет-трик, а его лучший гол можно пересматривать бесконечно. Дело было так: Акинфенва играл за «Нортхэмптон Таун» против «Эксетера», его одноклубник навесил с правого фланга, защитник выбил мяч, и тот должен был стукнуться о землю в районе линии штрафной. Но Адебайо рванул к мячу от 11-метровой отметки, подставил под него свою широченную грудь, одним движением уронил соперника и развернулся на 180 градусов, а потом шарахнул с лета так, что попал точно в ближний нижний угол. Футболист с другими антропометрическими данными такое бы просто не повторил.

Конечно, с таким весом возможности Акинфенвы ограничены, но встроить его в игру команды довольно легко – нужно просто понимать, чем он может быть полезен. Зимой 2014-го я видел его вживую в матче за «Джиллингем»: Акинфенва классно выбирал позицию, часто выигрывал верховые мячи даже без прыжка, грамотно скидывал мяч партнерам и порой отваживался на короткие рывки. Обычно хорошему нападающему требуется меньше секунды, чтобы принять мяч и нанести удар; Акинфенва, конечно, не так быстр, зато защитникам нужно больше времени, чтобы хоть как-то отеснить форварда весом в центнер. А еще его ставили у штанги при угловых соперника – и Акинфенва закрывал примерно треть ворот.

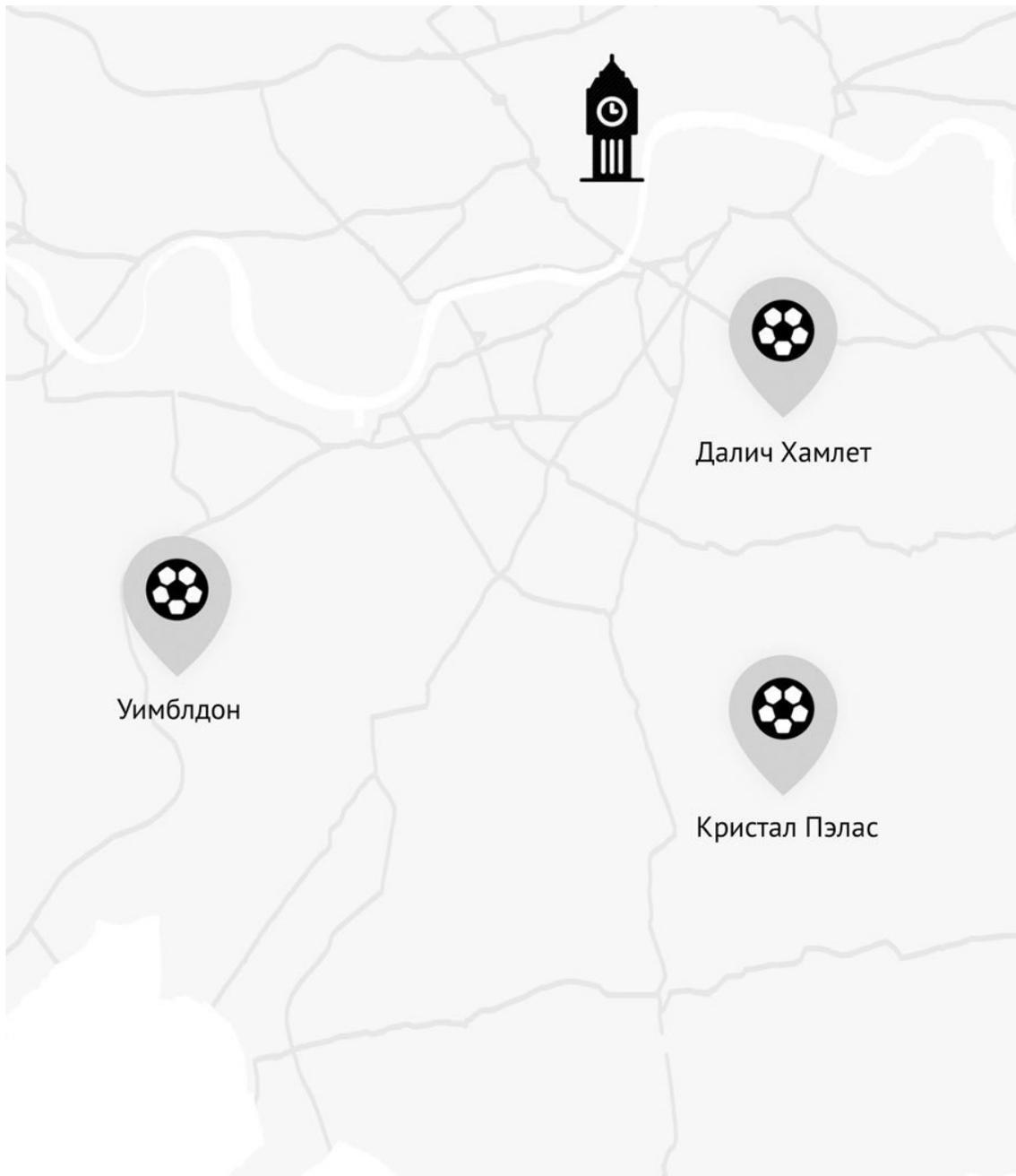
Чаще всего в своей карьере Акинфенва слышал фразу «Ты слишком большой, чтобы играть в футбол»; в лучшем случае его принимали за регбиста или начинали с ходу обсуждать с ним НФЛ. В итоге Адебайо решил нанести эту фразу на футболку, а потом придумал целую линию одежды Naha! высмеивающую стереотипы. Еще более удачным получился слоган «Beast Mode On» («режим зверя», который Акинфенва якобы включает, когда заходит в качалку), со временем превратившийся в самостоятельный бренд и ставший мемом в английском интернете – в том числе благодаря KSI, сверхпопулярному игроку в компьютерную игру FIFA, который записал несколько видео с участием Акинфенвы. Сейчас Акинфенва зарабатывает на одежде больше, чем получал как футболист несколько лет назад.

По-настоящему известным Акинфенва стал после выхода FIFA 13 – создатели сделали его самым сильным футболистом мира, выставив параметр «сила» на 96 из 100. Компьютерный Акинфенва тут же превратился в звезду YouTube, а настоящий попал в центр внимания

чуть позже, в мае 2013-го, когда его «Нортхэмптон» добрался до финала плей-офф четвертого дивизиона на «Уэмбли». Тогда Акинфенва дал интервью почти всем английским газетам, сходил на пару телешоу, где ведущие восторженно щупали его бицепсы, газета Daily Mail предложила ему писать колонку, а продажи одежды скакнули еще выше.

Когда медиашум вокруг Акинфенвы утих, на него наконец-то взглянули как на футболиста – 100-килограммового качка, сумевшего забить больше 150 голов в 500 матчах. Оказалось, что он даже выигрывал трофеи: в самом начале карьеры знакомый агент отправил его в Литву, где гол Акинфенвы принес «Атлантасу» из Клайпеды победу в кубке страны. Еще один кубок он взял со «Суонси», дважды играл на «Уэмбли», а зимой 2015-го забил гол «Ливерпулю» в матче Кубка Англии и наконец доказал, что он не просто форвард весом в центнер, которых можно было встретить в английском футболе в 80-х, а стопроцентный продукт цайтгайста, адепт ЗОЖ, киберспорта и социальных сетей; скажем, зимой 2016-го у него в Твиттере была 171 тысяча подписчиков, а у его клуба, «Уимблдона», всего 38 тысяч. Видимо, иногда стоит десять лет толкать штангу и есть курицу, чтобы тебя в конце концов полюбили таким, какой ты есть.

Часть 3 Южный Лондон

Глава 1 «Кристал Пэлас», динозавры и последние ультрас Англии

В 1851 году на входе в лондонский Гайд-парк вырос Хрустальный дворец. Гигантское здание из стекла и чугуна построили ко Всемирной выставке – мегаломанскому проекту принца Альберта, мужа правящей королевы Виктории, который решил собрать под одной

крышей тысячи экспонатов из разных стран мира. Выставка символизировала переход от индустриальной эпохи к эпохе всемирной торговли и показывала товар лицом: сюда привезли самый большой в мире алмаз из Индии и один из первых револьверов Кольта, а изобретатели продемонстрировали публике дагеротипы и барометр с живыми пиявками. В дворце архитектора Джозефа Пакстона на протяжении шести месяцев можно было посмотреть, чего уже добились цивилизация, и понять, что ждет ее впереди; неудивительно, что выставка собрала около 17 миллионов фунтов по нынешнему курсу и ее посетили такие люди, как Чарльз Диккенс, Чарльз Дарвин и Льюис Кэрролл, который написал: «Хрустальный дворец выглядит как страна чудес».

После Всемирной выставки дворец решили перевезти в южный пригород Лондона. За два года его перестроили и расширили (до 600 метров в длину и 40 метров в высоту), а вокруг разбили шикарный парк – с фонтанами, лабиринтом и первыми в мире моделями динозавров, от игуанодона до телеозавра. Хрустальный дворец с парком и динозаврами настолько преобразили ничем до того не примечательный район, что его переименовали в Кристал Пэлас. Первые пару десятков лет лондонцы охотно ездили сюда на выходных, чтобы поглазеть и на мезозойских рептилий, и на огромный, напоминавший теплицу дворец (архитектор Пакстон вообще-то был садовником). А потом появилась и футбольная достопримечательность: в парке построили стадион, который с 1895 года стал принимать финалы Кубка Англии, самого престижного турнира страны.

Кубковые финалы с участием лондонских команд собирали больше 100 тысяч зрителей, поэтому в 1905 году здесь был основан футбольный клуб «Кристал Пэлас» – с расчетом на то, что он сразу обзаведется болельщиками и сможет играть в футбольной лиге. План не сработал: «Пэласу» не хватило одного голоса, чтобы попасть во второй дивизион (в итоге клуб оказался в альтернативной Южной лиге), Хрустальный дворец в 1911 году был признан банкротом (затраты на его содержание превышали доходы от посетителей), а из-за Первой мировой войны команде пришлось покинуть стадион, который был отличной мишенью для немецких цеппелинов. В 1936 году грандиозный пожар, начавшийся в гардеробе, за несколько часов полностью уничтожил дворец. За догорающим зданием наблюдали более 100 тысяч человек – практически аудитория кубкового финала. Среди них был Уинстон Черчилль, бросивший пробегавшему мимо репортеру банальную, но оттого не менее правдивую фразу: «Это конец эпохи».

Лишившись и тотемного здания, и культового стадиона, футбольный «Кристал Пэлас» в основном сидел в болоте третьего-четвертого дивизионов и добрался до высшей лиги лишь в 1969 году. Первые три сезона клуб провел на грани вылета, а в четвертом его приехал спасать на тот момент самый перспективный тренер Англии – Малколм Эллисон. До назначения в «Кристал Пэлас» Эллисон был помощником тренера Джо Мерсера в «Манчестер Сити» (первый отвечал за тренировки и тактику, второй – за развитие клуба); за несколько лет они выиграли чемпионат Англии, Кубок Англии, Кубок лиги и даже Кубок обладателей кубков. Для клуба-середняка это был феноменальный успех. Эллисон уделял невероятно много внимания подготовке и восстановлению игроков, был первым, кто заставил их проходить регулярные (а не только в связи с травмами) медицинские обследования, сажал их на диеты и пытался увлечь чем-то вроде аэробики. Узнав о его методах, Эллисона позвал «Ювентус», но Малколм мечтал о полноценной работе главного тренера и отказался.

В апреле 1973 года «Кристал Пэлас» безнадежно увяз на дне турнирной таблицы и, несмотря на победу над «Челси» в первом матче под руководством Эллисона, вылетел-таки во второй дивизион. Болельщики и руководство клуба не унывали: у них был молодой энергичный тренер, увлекавший людей на стадионы одним лишь внешним видом: Эллисон щеголял в костюмах с Сэвил-роу и курил дорогие сигары. В середине 70-х в Англии хватало тренеров-личностей (Альф Рэмзи, Дон Риви, Брайан Клаф), но Эллисон стал первым трене-

ром-селебрити. Продолжая тренировать команду, он взялся и за имидж клуба: сначала сменил бордово-голубые цвета на более насыщенные красно-синие, затем придумал команде прозвище «Орлы» вместо «Стекольщиков» (разумеется, в честь Хрустального дворца) и заодно посадил орла на дворец на клубной эмблеме. Несмотря на то что тему с орлом Эллисон довольно открыто позаимствовал у лиссабонской «Бенфики», все его изменения были приняты безоговорочно, и на стадионе «Селхерст Парк» до сих пор перед выходом игроков на разминку запускают ручного орла полетать от ворот до ворот. Даже спустя 40 лет это зрелище по-прежнему завораживает.

Однако у неординарной личности Эллисона была и другая сторона – импульсивная, как пробка, вылетающая из бутылки шампанского. После завершения карьеры игрока он несколько лет зарабатывал деньги азартными играми на ипподромах и в казино и лишь после затянувшейся серии проигрышей решил вернуться в футбол. Он также был совладельцем клуба в Сохо, самом злочном и богемном лондонском районе. До начала тренерской работы его регулярно видели в компании бывших гангстеров, ставших антрепренерами; певиц, моделей и миллионеров, которым он помогал проигрывать деньги в рулетку. В этой среде он получил прозвище Большой Малколм (Big Mal) и, вернувшись в Лондон после восьми лет работы в Манчестере, быстро вспомнил, какой была его жизнь без футбола.

Второй сезон Эллисона в «Пэласе» обернулся катастрофой: команда не то что не поборолась за возвращение в первый дивизион, а стремительно вылетела в третий. Удивительно, но и эта неудача не повлияла на его популярность: Эллисон отлично ладил с игроками, болельщики были в восторге от ребрендинга клуба, журналисты любили его за то, что он подбрасывал им идеальные цитаты для заголовков. Например, после разгрома от «Ноттс Каунти» он заявил: «Мы много работали для этого поражения». Эллисон продолжал посещать ночные клубы и заказывать шампанское в свой кабинет на стадионе, а вот свои новаторские тренировочные методы забросил, потому что считал, что футболисты «Пэласа» все равно никогда не будут соответствовать уровню высшей лиги. Один из его игроков сказал: «Только Эллисон мог вылететь с клубом из первого дивизиона в третий и стать при этом всеобщим любимцем».

На второй год пребывания в третьем дивизионе наконец случилось то, ради чего Эллисона и пригласили: «Кристал Пэлас», когда-то игравший на стадионе, где проводились финалы Кубка Англии, выдал самый впечатляющий кубковый спурт в своей истории и дошел до полуфинала, одержав в числе прочего победы над «Лидсом» и «Челси». Эллисон вспомнил о своих тренерских амбициях и переучил команду на схему игры с либеро, что поставило в тупик соперников. Кроме того, в матче третьего раунда Кубка против заштатного «Скарборо» Эллисон заставил перенести начало игры на 45 минут вперед из-за того, что сомневался в мощности искусственного освещения на стадионе. Чтобы как-то укрыться от слепящего закатного солнца на бровке, тренер надел пижонскую федору, фетровую шляпу с мягкими полями, и в таком виде немедленно попал на страницы всех газет – в федоре и с сигарой во рту. Игроки «Пэласа» потом шутили: «Только у нас появился шанс быть замеченными, как эта шляпа украла нашу славу».

«Только Эллисон мог вылететь с клубом из первого дивизиона в третий и стать при этом всеобщим любимцем».

Перед полуфиналом Кубка случилась еще одна совершенно типичная для Эллисона и немислимая для другого тренера история. Уже несколько лет Малколм работал с гипнотизером Роналдом Маркхэмом, выступавшим на публике под псевдонимом Ромарк; познакомились они, само собой, на закрытой вечеринке в Сохо. Первые сеансы проходили в рамках личной терапии для Эллисона, но потом тренеру пришла в голову идея подвергнуть гипнозу своих игроков, и Ромарк занялся этим как раз в сезоне кубковых подвигов «Кристал

Пэласа». Однако Эллисон совершил роковую ошибку, не заплатив гипнотизеру за его работу: в отместку Ромарк наложил на него проклятие аккурат перед полуфинальным матчем против «Саутгемптона», который закончился поражением 0:2. Чуть позже «Пэлас», проводящий неплохой сезон в чемпионате, не сумел уцепиться за путевку во второй дивизион. В конце сезона Эллисон был отправлен в отставку.

Словно специально для тех, кто не верит истории с гипнотизером, существует другая, широко задокументированная и столь же экстравагантная причина его увольнения. Однажды Большой Малколм появился на тренировочной базе с Фионой Ричмонд, самой известной британской софтвернозвездой 70-х, подружкой «короля Сохо», владельца десятка ночных клубов Пола Рэймонда. Ричмонд также прославилась колонками для журнала Men Only, где сравнивала сексуальные способности мужчин из разных стран Европы. Терри Венейблс, который тогда был футболистом «Пэласа», а позже тренировал «Барселону» и сборную Англии, вспоминал: «Мы с игроками сидели в ванне после тренировки, как вдруг кто-то увидел приближающихся Эллисона и Фиону. Все выпрыгнули оттуда как ошпаренные, потому что Малколма всегда окружали фотографы таблоидов, а эти двое разделились и полезли в воду». Фото голых Эллисона и Ричмонд в ванне действительно было напечатано в газете News of the World, за что Футбольная ассоциация его оштрафовала, а владелец «Кристал Пэласа» – уволил.

Стремясь как-то наладить свою жизнь, Эллисон отправился из Лондона аж в «Галатасарай», затем вернулся в Англию, где между делом отработал еще сезон в «Кристал Пэласе», снова уехал из страны (на этот раз в Португалию), тренировал сборную Кувейта... но не изменил своим привычкам и провел остаток жизни в борьбе с алкоголизмом. Эллисона не раз вспоминали добрым словом люди разных поколений, добившиеся по-настоящему больших успехов: игравший с ним в «Вест Хэме» Бобби Мур, капитан сборной Англии на победном ЧМ-1966, говорил, что не встречал лучше понимавшего футбол человека; Жозе Моуринью подсмотрел что-то у Эллисона на заре своей тренерской карьеры, когда Большой Малколм работал в Сетубале. Конечно, Эллисон не реализовал свой тренерский потенциал, зато оставил ярчайший след в истории «Пэласа» – в неброском клубе с окраины столицы он смотрелся так же роскошно и так же неуместно, как Хрустальный дворец и динозавры.

* * *

В январе 1995 года Эрик Кантона ударил ногой болельщика «Кристал Пэлас» прямо на стадионе, а через десять лет после этого здесь появилась организация «Холмсдейл Фанатикс» (Holmesdale Fanatics) – группа сердитых молодых людей, которые сейчас считают себя главными ультрас Англии. Нет, они не похожи на тех парней, которые в 80-х мутузили друг друга на автомобильных парковках и не слишком интересовались самой игрой; они за то, чтобы на английские стадионы вернулась прежняя атмосфера, а беспощадный капитализм, превративший болельщиков в «потребителей футбола», убрался прочь.

На стадионе «Селхерст Парк» «Холмсдейл Фанатикс» занимают лишь несколько секторов на трибуне за воротами, но их действительно слышно на протяжении всей игры. Почти все болельщики клубов из высших английских дивизионов ведут себя на домашних матчах тише, чем на выездных, но только не «Фанатикс»: они и песни поют, и отбивают ритм барабанами, и значительно громче реагируют на события на поле – чем, скажем, более обеспеченная, но при этом более пассивная публика на играх «Арсенала» или «Челси». Они рисуют баннеры, делают красивые перформансы и регулярно пытаются пронести на трибуны файеры, хотя за это сейчас в премьер-лиге довольно жестко штрафуют и даже наказывают запретом на посещение матчей.

Разумеется, «Холмсдейл Фанатикс» с большим подозрением относятся к журналистам – для того, чтобы поговорить с ними на условиях анонимности, мне пришлось отправить разным людям пару десятков писем и скан паспорта со своей, цитирую, «подозрительной» фамилией. На входе в паб группировки охранник с сомнением посмотрел на мой билет на центральную, не фанатскую трибуну, но все-таки пропустил внутрь – пришлось назвать пароль, третью строчку из самой популярной песни болельщиков «Кристал Пэлас». Внутри в основном была молодежь, вот-вот готовая распрощаться со школой, но со мной говорил усердно накачанный мужчина лет 30 по прозвищу Череп (Skull) – как выяснилось позже, легко сохраняющий стройность речи даже после пятой пинты пива.

«Мы не просто болельщики, – объясняет Череп. – Мы предпочитаем называть себя ультрас. Людьми, которые возвращают футболу его истинные ценности. Футбол ведь всегда был игрой рабочего класса, простых людей, которые ценят простые радости: встретиться с друзьями, выпить пива, посмотреть игру, поддержать свою команду. Вроде бы ничего особенного, но английский футбол сейчас в таком состоянии, что получить настоящее удовольствие от похода на стадион довольно сложно. Простых болельщиков отсекают от футбола за счет высоких цен на билеты и абсурдных правил безопасности. Футбол давно стал бизнесом, а болельщики – потребителями. Мы не хотим быть потребителями. Мы хотим болеть футболом».

Английский футбол сейчас в таком состоянии, что получить настоящее удовольствие от похода на стадион довольно сложно.

Английская премьер-лига действительно имеет право диктовать клубам свои условия – в основном из-за астрономических сделок с телекомпаниями. Например, за права на показ матчей АПЛ с 2016-го по 2019-й Sky Sports и BT Sport в сумме заплатили больше 5 миллиардов фунтов. «Из-за этого некоторые матчи начинаются в субботу в 12:45 – куда это вообще годится? – продолжает Череп. – Вот вы пошли в пятницу вечером в паб или клуб, утром еле продрали глаза, а вам надо быть, скажем, в Ноттингеме или, не дай бог, в Лидсе – то есть в четырех-пяти часах пути отсюда».

Отсюда же берутся и высокие цены на билеты. В 2012 году фанаты «Ман Сити» отказывались ездить за своей командой из-за диких цен, а в 2016-м свыше 10 тысяч болельщиков «Ливерпуля» ушли с домашнего матча на 77-й минуте в знак протеста против билетов стоимостью 77 фунтов. «Холмсдейлы» попробовали решить эту проблему своими методами: когда в 2013-м «Кристал Пэлас» установил цену на билеты на выездной матч с «Ипсвичем» по 35 фунтов (при этом болельщики «Ипсвича» могли попасть на игру всего за 10), фанаты бойкотировали матч. В следующий раз клубу пришлось задуматься и снизить цены. А с сезона-2016/17 билеты на гостевые игры будут стоить не дороже 30 фунтов – и это тоже заслуга болельщиков.

Еще «Фанатикс» борются за возвращение стоячих трибун. Из-за трагедии на «Хиллсборо» в Англии довольно сложно в принципе поднять эту тему, не говоря уже об обсуждении конкретных предложений. Не помогает даже успешный опыт чемпионата Германии, где на многих стадионах ввели режим safe standing: предельно безопасный стоячий сектор посреди сидячей трибуны. Тут уже Череп начинает злиться: «Ну да, „Доклад Тейлора“ позволил провести модернизацию нашего футбола, но атмосфера на английских стадионах умерла. Прыгать нельзя, стоять нельзя, на баннеры нужно получать какие-то разрешения, а файеров они вообще боятся как огня, ха-ха. Футбольные чиновники и владельцы клубов хотят видеть полные стадионы, но зачем затыкать болельщикам рот и превращать их в молчащее и жующее стадо?! Как вообще можно поддерживать команду сидя? Это же не театр какой-нибудь! Что нам – вставать при опасных моментах? А петь сидя вы когда-нибудь пробовали? Сейчас в Англии не осталось и следа от мощнейшей культуры боления».

«Мы не призываем к хулиганству и околофутбольному насилию, а просто хотим возродить культуру настоящего болельщика. Сейчас она живет только в Восточной Европе – в Сербии, Греции, Польше и России, конечно. Мы плотно дружим с болельщиками греческого „Паниониса“ и „Стяуа“, нам не раз писали фанаты московского ЦСКА (у всех этих клубов, как и у „Кристал Пэлас“, красно-синие цвета). Всем нравится то, что мы делаем, а мы, в свою очередь, следим за тем, что происходит у вас на Востоке. Баннеры, раскладки на целые трибуны – это просто класс! Иногда на выездных матчах нам все-таки удается устроить нечто подобное – скажем, на игре с „Чарльтоном“ мы весь матч жгли файеры, и в течение этого сезона фанаты других клубов пытались это повторить. У „Ливерпуля“ точно что-то горело, у „Ньюкасла“ – то есть болельщики премьер-лиги, несмотря на то что их поставили в положение дойных коров, мечтают вернуться к атмосфере настоящего футбола».

С центральной трибуны «Холмсдейл Фанатикс» выглядят так: нижний ярус занимает ядро группировки, двести-триста мужчин в черных футболках. Пара человек отбивают ритм на барабанах, заводящие следят за тем, чтобы сектор не молчал, а как только он запекает, то присоединяется и весь остальной стадион. В хореографии участвует вся трибуна за воротами – 8 тысяч человек. С песнями у «Холмсдейлов» тоже все в порядке: они регулярно обновляют репертуар, а не просто вставляют разные имена в одни и те же кричалки, как делают на других стадионах. «Glad All Over», неофициальный гимн «Кристал Пэлас», неизменно звучит мощно, но мне куда удивительнее было услышать с трибуны за воротами перепевку «Mrs. Robinson» Саймона и Гарфанкела – красивую и вообще-то довольно сложную для исполнения песню.

Безусловно, клубу не так-то просто ужиться с фанатской группировкой, пусть даже она обеспечивает ему самую яркую домашнюю поддержку в премьер-лиге. «Кристал Пэлас» дает «Холмсдейл Фанатикс» некоторую свободу действий, но они не всегда готовы идти на компромиссы и часто нарушают установленные правила. «После акции против полиции, чиновников и телевидения нескольких наших вывели со стадиона в перерыве и запретили посещать матчи до конца сезона, – вспоминает Череп. – Однажды дошло до абсурда: одного фаната арестовали за файер, пожизненно забанили и заодно запретили ходить на матчи сборной Англии – хотя он ирландец! Во время матчей Англии он должен звонить в полицию и сообщать, где находится, хотя у него и в мыслях нет идти на стадион».

Сколько бы проблем ни приносили клубу «Холмсдейл Фанатикс», им можно многое простить за 2010 год. Тогда «Кристал Пэлас» обанкротился, угодил под внешнее управление и оказался под угрозой ликвидации, но активная группа болельщиков буквально взяла штурмом стадион, выбежала на поле и отказывалась его покидать. Возможно, именно тогда четыре английских бизнесмена, которым сейчас принадлежит клуб, решили приобрести «Кристал Пэлас», а также выкупить «Селхерст Парк» у банка Lloyds. Даже если эта футбольная команда вдруг станет посмешищем Англии, ее болельщики еще долго будут лучшими в стране.

Глава 2

«Уимблдон» и триумф «Банды психов»

Каждый год тихий зеленый район на юго-западе Лондона на три недели превращается в ад для местных жителей. На старейший теннисный турнир в мире приезжают тысячи болельщиков, ведь сюда до сих пор можно попасть по недорогому билету за 20 фунтов. Для этого нужно всего лишь отстоять очередь – точнее, Очередь (The Queue), это слово положено произносить с определенной долей почтения – длиной в пять-шесть часов. Чтобы оказаться поближе к началу Очереди и не пропустить первые матчи дня, люди занимают места с вечера, ставя палатки у заборов ближайших к кортам домов, и порой живут в них на протяжении всего турнира. Из-за туристов цены в местных пабах и кофейнях подсакаивают вдвое; кроме того, в эти дни здесь полно журналистов, полицейских, машин с телевизионным оборудованием... В общем, приходится как-то пережить. Зато в остальное время – благодать: шелест листьев заглушает звук транспорта, игроки в гольф ищут мячи в траве, а посреди Уимблдонской пустоши, одного из крупнейших парков Лондона, машет крыльями ветряная мельница.

В 1980-х Уимблдон был адом как раз для приезжих. Раз в две недели футбольная команда – от скромного «Оксфорда» до великого «Ливерпуля» – высаживалась из автобуса у стадиона «Плау Лейн» и видела перед собой косо сколоченные домики, в которых находилась гостевая раздевалка. Внутри часто не было горячей воды и туалетной бумаги, в сахарницу была насыпана соль, скамейки перевернуты, словно предыдущие постояльцы сбежали отсюда в страхе и с отвращением. В общем, так все и было: никто не любил играть на «Плау Лейн», самом маленьком и неудобном стадионе первого дивизиона. И уж тем более никто не любил играть против «Уимблдона», самой грубой и прямолинейной команды лиги. Футболисты мечтали уехать отсюда не с победой, а без травм.

Внутри часто не было горячей воды и туалетной бумаги, в сахарницу была насыпана соль, скамейки перевернуты.

В сезоне-1982/83 «Уимблдон» выступал в четвертом дивизионе. Все послевоенные годы клуб провел вне профессиональной лиги, так что ни болельщики, ни пресса, ни соперники не ждали от него сюрпризов. В подвалах английской футбольной пирамиды полно команд, которые так никогда и не уходят на повышение в классе, и «Уимблдон» запросто мог стать одной из них, если бы не Дэйв Бассетт. Бывший игрок клуба закончил карьеру в 31 год из-за травмы, в 37 был назначен главным тренером, а еще через год придумал удивительно простой и при этом безотказный способ играть в футбол. «Зачем делать 25 коротких передач, чтобы подобраться к воротам соперника? Можно ведь сделать одну, от штрафной до штрафной, – объяснял Бассетт. – Хотите нанести 15 ударов за матч? Заработайте 10 угловых и 10 аутов поближе к чужим воротам, а потом забрасывайте мяч на голову нападающему».

Команда Бассетта старалась не отступать от этих правил. Вратарь «Уимблдона» Дэйв Безант выбивал мяч от своих ворот так сильно, что он летел в район линии чужой штрафной, где один нападающий старался выиграть единоборство в воздухе, а другой караулил скидку, чтобы отправить мяч в ворота. Если что-то шло не так, двое центральных полузащитников бросались на соперника, выгрызали у него мяч вместе с ногами и отправляли его на фланги, откуда вингеры немедленно навешивали обратно на форвардов. Любые нарушения правил также были на руку «Уимблдону»: игроки отрабатывали розыгрыш стандартных положений до такого автоматизма, что забивали после угловых, штрафных и аутов даже чаще, чем с игры. В перерыве одного из матчей, когда «Уимблдон» проигрывал 0:1, Бассетт зашел в

раздевалку и пообещал 100 фунтов каждому игроку, если они сравняют счет со стандарта. Первый же угловой оказался результативным.

Такой футбол позволил «Уимблдону» занять первое место в четвертой лиге с рекордным показателем – 98 очков. В следующем году клуб с ходу стал вторым в третьем дивизионе и поднялся еще выше. Состав «Уимблдона» практически не менялся, поэтому игроки все лучше и лучше понимали требования Бассетта, а соперники просто не успевали подстроиться под его команду – так быстро она поднималась по футбольной лестнице. Например, главным бомбардиром «Уимблдона» в четырех из восьми сезонов с 1978-го по 1986-й был Алан Корк, не самый высокий нападающий (183 см) с невероятным прыжком и острыми локтями, который забивал почти исключительно головой. На стандартах его нельзя было сдерживать ни персональной, ни зонной опекой; он всегда как-то умудрялся растолкать соперников и встретиться с мячом в любой точке его траектории. За один сезон в третьем дивизионе Корк забил 33 гола, из них 29 – головой. Однажды он чуть не отказался выходить на поле, если полузащитники «Уимблдона» будут давать ему пас в ноги: «Какого черта? Вы же прекрасно знаете, что ноги у меня только для бега».

Для выхода из второго дивизиона в первый потребовалось два года, но и они пролетели очень быстро. «Уимблдон» продолжал показывать «футбол кратчайшего маршрута» (route one football) – это определение придумал сам Дэйв Бассетт и заслуженно им гордился, ведь на самом деле в вертикальном стиле игры команды было куда больше расчета и футбольной теории, чем могло показаться со стороны. Помощник Бассетта Нил Лэнам вычислил, что за один матч игроки должны как минимум 172 раза доставить мяч в 30-метровую зону у чужих ворот, а также выполнить не меньше 44 фланговых подач. За выполнением нормативов следил другой помощник, Винс Крэйвен, чье видеоборудование стоило 11 тысяч фунтов – серьезные деньги по меркам клуба не из высшего дивизиона. Кроме того, бесперебойно работала академия «Уимблдона», которая воспитывала футболистов строго по игровой схеме Бассетта, и когда клуб наконец-то поднялся в высшую лигу, в заявке из 23 человек значилось 13 выпускников молодежной команды.

Стремительный взлет клуба – из нон-лиги в первую за девять лет – финансировал владелец клуба Сэм Хаммам, ливанский бизнесмен, когда-то поселившийся в Уимблдоне из-за тенниса, но увлекшийся футболом. По словам Бассетта, Хаммам мечтал прославиться за счет клуба, но в то же время был невероятно скуп. Скажем, в раздевалку у тренировочного поля можно было попасть только через кафе, где уже с утра сидели местные алкоголики; из-за этого игроки не решались оставлять там вещи и брали их с собой. В клубе не было стиральных машин, футболистам не выдавали бутс, а стадион был в таком ужасном состоянии, что даже невероятный прогресс команды не помогал собирать аншлаги на небольшом 19-тысячнике. Впрочем, Хаммам хотя бы не жалел денег на эксперименты Бассетта, академию и новых игроков, а болельщиков веселил своим акцентом и поведением: во время матчей он ходил взад-вперед по пустым нижним ярусам трибуны, стараясь не глядеть на поле.

«Уимблдон» оказался в первом дивизионе в сезоне-1986/87. К тому моменту команду, поднявшуюся со дна футбольной лиги, уже несколько лет звали «Бандой психов» (The Crazy Gang) – из-за жесткого стиля игры, эксцентричности Бассетта и Хаммама, а также бесчисленных баек из раздевалки и с тренировок. Игроки «Уимблдона» каждый день устраивали друг другу розыгрыши, смешные и не очень, безобидные и откровенно опасные, причем особенно, разумеется, доставалось новичкам. Самым популярным развлечением было отрезание рукавов и штанин; иногда чью-нибудь одежду просто сжигали. На выездах футболисты выкидывали из окон вещи и даже кровати (один раз дело дошло и до тренера, причем его кровать полетела прямо в бассейн), ходили по пабам в ночь перед матчем, старались пробраться в раздевалку соперника и что-нибудь там сломать. Прозвище «Банда психов» и кодекс ее поведения придумал полузащитник Уолли Даунз, игравший за «Уимблдон» аж с

1976 года и близко друживший с Бассеттом, поэтому против заведенного беспорядка никто не возражал – и по большому счету эти привычки помогли игрокам стать одной командой и добиться успеха.

Самым популярным развлечением было отрезание рукавов и штанин; иногда чью-нибудь одежду просто сжигали.

Поднять градус безумия «Уимблдоу» помогли два новичка, Винни Джонс и Джон Фашану. Бассетт нашел Джонса, идеально подходящего «Уимблдоу» по типу жесткого и рослого центрального полузащитника, в полупрофессиональном клубе «Уилдстоун» и заплатил за него всего 10 тысяч фунтов. Центрфорвард Фашану, напротив, стал самой дорогой покупкой в истории клуба (125 тысяч), зато начал немедленно забивать и в течение шести сезонов подряд был лучшим бомбардиром «Уимблдона». Оба игрока пришли в восторг от кодекса поведения «Банды психов» и спустя полсезона стали главными психами: они наливали клей в бутсы, заставляли других бегать кроссы без штанов, могли привязать одноклубника на крышу машины и отвезти в таком виде на тренировку.

Джонс брал на выезды огромный магнитофон-геттобластер, из которого на полной громкости играл эйсид-хаус. Сотрудники других стадионов ненавидели игроков «Уимблдона», потому что они часто разносили раздевалки, а Сэм Хаммам оплачивал штрафы за погромы с плохо скрываемым удовольствием. Сам он придумал куда более эффективный способ воздействия на «Банду психов», прописав в контрактах, что в случае поражения с разницей в четыре мяча они должны будут отправиться в оперу. «Шесть часов пения на иностранном языке – худшая пытка для игроков типа Джонса и Фашану», – смеялся Хаммам.

190-сантиметровый Фашану был обладателем черного пояса по карате и перед началом матча отрабатывал удары прямо в центральном круге, стараясь запугать соперников. Джонс старался срубить в подкате ведущего игрока соперников в течение первых пяти минут. Не отставали и другие: Деннис Уайз, самый техничный игрок «Уимблдона», которого из-за невысокого роста назначили исполнителем всех стандартов, подтачивал шипы на бутсах; центральный полузащитник Глин Ходжес, обладатель рекорда второго дивизиона по количеству предупреждений, однажды получил желтую карточку с формулировкой «визуальная агрессия» – настолько свирепо он посмотрел на судью.

Любопытно, что именно Джонс и Фашану нашли себе новые занятия после футбола. Винни начал играть плохого парня в кино еще до завершения карьеры и даже схватил дисквалификацию на полгода за участие в фильме «Футбольные тафгаи», где рассказывал, как правильно бить соперника в кость. А затем его нашел Гай Ричи. В ночь перед началом съемок «Карты, деньги, два ствола» Винни должен был учить свою роль, но вместо этого подрался с соседом, поэтому приехал на съемки из тюрьмы. Успех был обеспечен и этому фильму, и «Большому кушу» с «Костоломом», и в 2001-м Джонс даже получил премию как лучший британский актер. Джон Фашану вел телепрограммы «Гладиаторы» и нигерийскую версию «Кто хочет стать миллионером», а также был тренером любительской команды в реалити-шоу.

Прямолинейный стиль игры «Уимблдона» в первом дивизионе не изменился, разве что стал более агрессивным. «Отправь его в мясорубку!» – и вратарь Безант выбивал мяч в точку, куда неслись два-три игрока команды, рассчитывая не столько выиграть единоборство, сколько вывести кого-нибудь из строя хотя бы на пару минут. «Мы обильно поливали газон на своем стадионе, чтобы соперники не могли играть в мелкий пас, – вспоминал Хаммам. – Зачем нам поле? Мы играли в воздухе». Точнее всех этот футбол охарактеризовал Гари Линекер: «За игрой „Уимблдона“ лучше всего следить с помощью строки телетекста».

Но футбол Бассетта работал. Проиграв первый матч в высшем дивизионе «Манчестер Сити», «Уимблдон» одержал четыре победы подряд и оказался на первом месте в таблице.

Для клуба, который всего десять лет назад не имел профессионального статуса, это было невероятным успехом. Затем последовал двухмесячный спад, но в конце ноября «Уимблдон» обыграл дома «Манчестер Юнайтед». Единственный гол был забит, разумеется, головой после подачи с углового – отличился 21-летний Винни Джонс, который тогда еще не брился наголо и был похож всего лишь на хулигана-двоечника. После «МЮ» Винни забил еще в двух матчах подряд, команда набрала ход и в чемпионате, и в Кубке Англии, где удалось дойти до четвертьфинала, устранив с дороги «Эвертон» – будущих чемпионов страны. Два гола в победе со счетом 3:1 вышли как под копирку: вынос Безанта – скидка головой Фашану – удар Энди Сэйера (в первом случае Фашану пришлось добивать, во втором Сэйер попал сам).

В Кубке «Уимблдон» уступил «Тоттенхэму», но затем сенсационно обыграл «Ливерпуль» на «Энфилде» и одержал четыре победы на финише чемпионата, еще раз прихлопнув «МЮ». По итогам сезона клуб занял шестое место – немыслимое, близкое к абсурдному достижение. Однако Дэйв Бассетт был недоволен: вместо того чтобы хвалить его команду за смелый и эффективный стиль, газеты писали о грязной игре, подсчитывали предупреждения (больше полутора сотен) и удаления (всего шесть) и осуждали поведение «Банды психов» в раздевалке. Тогда в прессу просочилась история, что Фашану подрался с Лори Санчесом, ведущим центральным полузащитником команды, и пытался сломать ему ногу своим карате-киком. После этого Фашану и Санчес не разговаривали на протяжении шести лет, хотя каждую неделю выходили на поле в основном составе.

При этом Бассетт продолжал расти как тренер. Кубковые победы «Уимблдона» состоялись в том числе благодаря его нестандартным методам мотивации игроков: перед матчем с «Саутгемптоном» он вывез команду на стрельбище, перед «Портсмутом» – на уик-энд в Португалию, а к «Эвертону» переодетые в камуфляж футболисты готовились на армейском плацу. Бассетт командовал ими в форме майора. Однако всеобщее неодобрение, а также финансовые проблемы клуба («Плау Лейн» по-прежнему не заполнялся, и Хаммам хотел переехать на стадион «Кристал Пэласа») вынудили Бассетта по окончании сезона принять предложение «Уотфорда» – на тот момент более стабильного клуба. Футболисты проводили его грандиозной вечеринкой в лучших традициях «Банды психов», по ходу которой все вещи из комнаты Бассетта – включая кровать и телевизор – оказались в лифте.

Бассетта сменил Боб Гулд, бывший тренер «Бристоль Роверс». На первом же тактическом занятии игроки «Уимблдона» заявили ему: «Мы не будем менять свой стиль игры ни при каких условиях», – и второй сезон клуба в высшем дивизионе вышел практически таким же, как при Бассетте. Бодрый старт, провал в конце осени, оживление под Рождество, ударный финиш. «Уимблдон» обыграл на своем поле «Арсенал», «Челси» и «Тоттенхэм», сыграл вничью с «Ливерпулем» и закончил сезон на седьмом месте – всего на одну позицию ниже по сравнению с прошлым, хоть и недобрав целых девять очков. Однако в Кубке Англии «Уимблдон» смог дойти до финала и 14 мая 1988 года должен был сыграть на «Уэмбли» с «Ливерпулем», который только что стал чемпионом Англии.

Команда Кенни Далглиша образца сезона-1987/88 до сих пор считается лучшей в истории клуба. Ее любят даже больше той, что в 1984-м выиграла чемпионат, Кубок Англии и Кубок европейских чемпионов – возможно, потому, что в составе «красных» появился Джон Барнс, один из самых техничных английских игроков всех времен. Левый полузащитник «Ливерпуля» мог обыграть полкоманды, раздавал идеальные голевые передачи, часто забивал сам и к тому же отлично держался на ногах, так что играющие в кость соперники его особо не пугали. Партнеры Барнса тоже были в полном порядке: нападающий Джон Олдридж достойно заменил Иана Раша, Питер Бирдсли участвовал практически в каждой результативной атаке, а Алан Хансен продолжал командовать обороной. Если «Уимблдон»

звали «Бандой психов», то «Ливерпуль» носил прозвище «Клуб высокой культуры», The Culture Club, и красотой его игры втайне гордилась вся страна.

Для «Ливерпуля» этот финал был всего лишь одним из трех во второй половине 80-х. Для «Уимблдона» – одним за всю историю клуба. Команда готовилась к нему в традиционном стиле: за день до матча Боб Гулд дал взятку охраннику «Уэмбли», чтобы он пустил игроков походить по легендарному стадиону: многие из них никогда не были там даже в роли зрителей. Затем команда отправилась в паб возле «Плау Лейн» и выпила по пинте с болельщиками. На следующий день Гулд перевел стрелки часов в раздевалке на пять минут назад, чтобы заставить «Ливерпуль» ждать соперника в подтрибунном тоннеле «Уэмбли». Когда команды вышли на поле, стало ясно: несмотря на неоспоримое превосходство «Ливерпуля» в классе, легкой эта игра для них не будет.

Гулд перевел стрелки часов в раздевалке на пять минут назад, чтобы заставить «Ливерпуль» ждать соперника в подтрибунном тоннеле «Уэмбли».

Почти сразу же Винни Джонс снес в подкате Стива Макмахона, даже не пытаясь попасть по мячу. Через несколько минут Алан Корк, тот самый супербомбардир «Уимблдона» в низших дивизионах, теперь играющий крайнего полузащитника, снял мяч с головы Олдриджа, готового забить в пустые ворота. Затем Безант невероятным образом вытащил мяч после удара Олдриджа в упор. Джона Барнса персонально опекали сразу два игрока, Деннис Уайз и Клайв Гудйеар, поэтому у лучшего игрока чемпионата мало что получалось. А на 37-й минуте случилось нечто неожиданное, но в то же время донельзя привычное: «Уимблдон» заработал штрафной около левого углового флажка, Уайз навесил, а Лори Санчес перепрыгнул всех и отправил мяч в дальний угол ворот Брюса Гроббелара.

После забитого мяча крайние полузащитники «Уимблдона» сели в оборону, и команда оборонялась ввосьмером, не позволяя «Ливерпулю» ничего создать до 61-й минуты, когда отличный пас Бирдсли вразрез вывел Олдриджа к воротам, но Гудйеар успел вынести мяч в подкате, следом сбив нападающего. Судья, видимо, увидел только конец эпизода, поэтому несправедливо назначил пенальти. Бить пошел сам Олдридж, лучший бомбардир английского сезона. «Разумеется, я посмотрел перед финалом несколько пенальти Олдриджа, – вспоминал Дэйв Безант. – Обычно, если вратарь не дергался до удара, Олдридж бил в левый от себя угол». Безант не дрогнул во время разбега, Олдридж пробил в левый, вратарь вытянулся в полете и отбил мяч. Это был первый отраженный пенальти в истории финалов Кубка Англии, и потащил его вратарь, дошедший с «Уимблдоном» до «Уэмбли» из четвертого дивизиона.

В оставшееся время у «Ливерпуля» практически не было реальных моментов, и сразу после финального свистка комментатор Джон Мотсон произнес фразу, ставшую легендарной: «The Crazy Gang have beaten The Culture Club». Англия замерла в шоке: на всех телеэкранах страны принцесса Диана вручала медали «Банде психов», трое из которой – Безант, Корк и Энди Торн – вполне могли навсегда остаться в полупрофессиональном футболе, если бы не эта команда. У игроков тоже снесло крышу: перед вручением кубка Безант вытащил из кармана кепку, надел ее на голову, затем снял, засунул под мышку, обернулся, напялил кепку на Уайза. Винни Джонс поставил кубок на голову присевшему на корточки тренеру и не давал тому подняться. Хладнокровным оставался только Сэм Хаммам, который подошел к Гулду в раздевалке и сказал: «Бобби, продавай всех, кого сможешь. Мы достигли своего пика и должны выжать из этого максимум».

Так закончилась самая пронзительная часть истории «Уимблдона». Сразу после финала Безант перешел в «Ньюкасл» за 750 тысяч фунтов, рекордную сумму для вратаря. Энди Торн отправился туда же за 850 тысяч. Винни Джонс ушел в «Лидс» через год, Уайз в «Челси» – через два, а в 1991-м «Уимблдон» все-таки перебрался на стадион «Кристал

Пэлас», потому что «Плау Лейн» не соответствовал требованиям «Доклада Тейлора». Возможно, последней знаковой игрой в истории «Банды психов» стал матч в честь Алана Корка, который состоялся всего через два дня после финала Кубка Англии-1988. В перерыве встречи восемь игроков «Уимблдона» повернулись к зрителям задом и сняли штаны.

Глава 3

«Далич Хамлет» и футбольные хипстеры

Лондонские клубы не раз сталкивались с онтологической проблемой: как существовать в стране футбольных консерваторов и флагманском городе мира? В столице Великобритании каждый день возникают тренды, резонирующие потом по всей планете, но в футболе мода, новаторство и дерзость уместны разве что в тактике, в которой все равно никто ничего не понимает. Пока Лондон запускал революции в музыке, архитектуре и IT, футбольные клубы были вынуждены хранить верность традициям: вводить для игроков кодекс поведения в соц-сетях, глушить мобильную связь на стадионах, лицензировать использование символики в медиа и делать вид, что информация распространяется только с помощью пресс-атташе в костюме и с папкой. Способ соединить повседневную лондонскую реальность с футбольной аутентичностью нашли разве что в клубе «Далич Хамлет» на южном берегу Темзы.

«Далич» долгое время был любительским клубом, а в последние 30 лет играл в седьмом-восьмом дивизионе без особых перспектив на повышение. Два года назад одно из местных изданий написало, что на трибунах стадиона «Чемпион Хилл», где играет «Далич», собираются коммунисты и анархисты, пишут на баннерах абсурдистские лозунги, поют смешные песни и берут на стадион детей и собак. Журналисты тут же записали болельщиков команды в хипстеры и предположили, что это те же самые люди, которые ходят в барбершопы и ездят на работу на лонгборде, и команда в необычных сине-розовых цветах для них не больше чем очередное модное увлечение. Они ошибались: аудитория «Далич Хамлет» сформировалась ортодоксальным путем, из жителей окрестных районов, просто получилось так, что из-за роста цен на недвижимость лондонский средний класс покинул центровые районы, и в одном месте случайно собрались две-три сотни леваков, любящих футбол.

Пока Лондон запускал революции в музыке, архитектуре и IT, футбольные клубы были вынуждены хранить верность традициям.

После начала хайпа посещаемость «Чемпион Хилл» возросла, и хотя болельщики со стажем ворчали, что хипстеры таки стали считать «Далич» своим клубом, на увеличение продаж билетов никто не жаловался. Коммунистом тоже быть не обязательно – достаточно выучить пару необычных кричалок, в одной из которых есть слова «Мы могучий „Далич Хамлет“, и мы играем в Тоскане». Неожиданное упоминание итальянского региона связано с тем, что один из чиновников Южного Лондона хотел снести стадион «Чемпион Хилл» и утверждал, что на местных пригорках можно будет построить элитный жилой комплекс с видами не хуже, чем в Тоскане. Это абсурдное предположение высмеяли и в мэрии города (стадион остался на месте), и на трибунах, а фраза прижилась. Такой локальный фольклор – первый признак того, что клуб живет согласно английским футбольным заповедям. Второй признак: на «Чемпион Хилл», как в старые добрые времена, можно пить пиво, стоя прямо у бровки поля. Даже во многих низших дивизионах это запрещено.

Выбравшись на матч «Далич Хамлет», я увидел множество других признаков, моментально растапливающих сердце болельщика, зачерствевшее от корпоративной безликости премьер-лиги, безумных цен на билеты и сомнительной атмосферы на трибунах. Клубная атрибутика продавалась в трогательном соломенном вагончике, пара болельщиков сидела у поля на деревянных лошадаках, у фанатского актива за воротами волосы и бороды были выкрашены в розовый цвет, а на стене стадиона висел плакат «Леваки: Эдгар Кайл и Че Гевара». Левый полузащитник Кайл был главной и единственной звездой «Далич Хамлет» в довоенные годы, а также последним любителем из низших лиг, попавшим в первую сборную страны. Кроме того, на щитах вдоль поля было написано «Transpontine» – практически

исчезнувшее из английского языка слово, обозначающее что-то или кого-то по ту сторону моста; конкретнее – в Южном Лондоне. Когда болельщики «Далич Хамлет» начали называть себя «транспонтинами», местный культурный центр наградил клуб за возрождение слова.

Сейчас «Далич» собирает на матчи около 3 тысяч человек и третий сезон подряд бьется в плей-офф за выход в шестой дивизион, где команда еще никогда не играла. У клуба по-прежнему нет богатого владельца или внешнего инвестора – билеты, атрибутика, пиво и система пожертвований и так приносят «Даличу» достаточно денег, а цели пробиться в профессиональную лигу здесь никто не ставит. Вместо этого клуб регулярно организует товарищеские матчи с социальной миссией – например, с главной ЛГБТ-командой Англии ФК «Стоунволл» или сборной беженцев из Сирии. На трибуне всегда можно найти кого-нибудь из директоров «Далич Хамлет», чтобы расспросить его о текущих делах – и, скорее всего, он ответит, что все нормально: просто потому, что клубу в принципе не о чем беспокоиться. Разве что когда на смену хипстерам придет следующее поколение лондонских модников, пресса снова запишет их в число болельщиков «Далича». Но и этому здесь будут рады.

Часть 4 Западный Лондон

Глава 1 «Фулхэм» и лучший стадион Англии

Раз в год на набережную Темзы выходят 250 тысяч человек. Каждую весну по реке проносятся лодки со студентами двух главных университетов страны, Оксфорда и Кембриджа. Университетская регата – это уникальное массовое мероприятие наперекор всему: оно вроде бы элитистское (гребцы тренируются семь месяцев по несколько часов в день и обязаны совмещать подготовку с безупречными оценками) и скоротечное (гонка длится не больше

20 минут), но неизменно собирает огромную толпу зрителей, где выпускников и студентов Оксбриджа не больше 30 %. Когда я жил в Западном Лондоне в десяти минутах ходьбы от Темзы, то мог не заглядывать в календарь, чтобы уточнить дату гонки: даже в сухую погоду окрестности заполнялись людьми в веллингтонах, традиционных резиновых сапогах, а на кирпичных оградах викторианских домов появлялись пустые бутылки из-под шампанского, ритуального напитка регаты.

На 20 минут гонки приходится примерно 20 часов праздника. Зрители, одетые в темно-синие (Оксфорд) и светло-синие (Кембридж) цвета, облепляют мосты и перила набережных, ищут пяточок травы, с которого удастся увидеть, как в воздухе пару секунд мелькают сначала одни весла, а затем другие. Тем не менее кругом смеются, хлопают и кричат, и в воздухе материализуется ощущение, что день прожит не зря. Есть что-то очень правильное в том, чтобы получать удовольствие в первую очередь от процесса, а не от результата: это свойственно и английскому характеру, не привыкшему измерять важность событий достигнутым успехом, и соответствует олимпийскому принципу. Тем более когда регата проходит в одном из красивейших районов Лондона, где Темза выгибается на карте, как кривая Гаусса: набирает высоту от моста Патни, закругляется у Хаммерсмитского моста и опускается к финишу между районами Барнс и Чизик, где хозяева прибрежных домов могут просто выйти на огороженную лужайку и смотреть, как мимо скользят лодки.

В первые минуты регаты лодки оставляют позади стадион «Крэйвен Коттедж», где играет футбольный клуб «Фулхэм». Несмотря на то что он уже более ста лет занимает видное место на берегу Темзы, футбол в день регаты отступает на второй план. За пару часов до старта гонки Оксфорд и Кембридж проводят здесь товарищеский матч, на который обычно никто не приходит, потому что главный университетский вид спорта после гребли – это, конечно, регби, а не футбол. Штатный историк «Фулхэма» любит вспоминать, как выходившая прямо на Темзу старая трибуна довоенного «Крэйвен Коттедж», вмещавшая более 15 тысяч человек, отворачивалась от поля и провожала взглядом уплывающие экипажи. Потом трибуну перестроили, а домашние матчи перестали назначать на день гонки, но ощущение превосходства одного события над другим осталось – возможно, еще и потому, что здесь вообще не должно было быть футбольного стадиона.

Виной всему Генри Моррис – прожектер, девелопер, масон и мэр района Фулхэм в начале XX века. Моррис обожал футбол, но смотрел на игру не глазами болельщика, а глазами бизнесмена, который отчаянно хотел владеть всем, что имело отношение к этому виду спорта. В 1894 году он выкупил шикарный участок земли на берегу Темзы, где раньше были королевские охотничьи угодья. На эту территорию также претендовала церковь Англии, резиденция которой располагалась во дворце по соседству, но Моррис подружился с живущим здесь епископом Фулхэма и Гибралтара (этот удивительный титул означал, что он контролирует англиканскую епархию в Европе) и с помощью взятки убедил его не мешать строительству стадиона. Только вот с местом Моррис все-таки промахнулся: несмотря на красоту текущей мимо Темзы и окрестных парков, стадион располагался вдали от транспортных путей и примыкал всего к одному крупному жилому массиву, где селились рабочие фабрик соседнего района Хаммерсмит.

Примерно в то же время и в том же районе начал строиться другой стадион – «Стэмфорд Бридж», занявший идеальную позицию на пересечении автомобильной трассы, железной дороги и линии метро. Владелец стадиона Гас Мирс предлагал Моррису арендовать «Бридж» под матчи «Фулхэма», но одержимый жадностью обладания бизнесмен, разумеется, не согласился на эти условия. Через несколько лет он понял, что его конкурент, футбольный клуб «Челси», который вопреки названию находился в том же Фулхэме, стремительно переманивает к себе болельщиков. Моррис психанул и купил себе еще один клуб, недавно обанкротившийся «Вулич Арсенал» из Южного Лондона, и попытался объединить его с «Фул-

хэмом», но нарвался на запрет футбольной ассоциации. Тогда Моррис перевез «Арсенал» на нынешнее место в Северном Лондоне, построил стадион «Хайбери», добился первых успехов и, возможно, наладил бы дела и в «Фулхэме», но в 1927 году его поймали на очередной взятке и пожизненно отстранили от футбола. Впрочем, Моррис задал тон: с тех пор в истории «Фулхэма» регулярно появлялись мошенники, эксцентрики и другие исключительные персонажи.

Одним из таких людей – в данном случае честных, но неординарных – был шотландский инженер и архитектор Арчибальд Литч. За первые 40 лет XX века Литч спроектировал около 40 стадионов, по сути в одиночку определив визуальный облик футбольной Британии. «Олд Траффорд», «Энфилд», «Хайбери», «Стэмфорд Бридж», «Хиллсборо», «Вилла Парк», «Уайт Харт Лейн», «Гудисон», почти все большие стадионы северо-востока Англии и Шотландии и еще пара десятков арен – это все Литч; трудоголик и уникальный специалист широкого профиля, который умел не только чертить схемы, но и разбирался во всех аспектах строительства, от кирпичной кладки и чугунного литья до подбора сидений и турникетов. Основным элементом его стадионов всегда было доминирующее здание главной трибуны – как правило, с викторианским кирпичным фасадом, стальными балюстрадами и двускатной деревянной крышей. Архитектура Литча была в первую очередь функциональной (остальные трибуны должны были как-то вмещать по 30–40 тысяч человек), но главное сооружение всегда отличалось красотой и стилем на стыке индустриальной эпохи и ар-деко. Литч также использовал технологии из «большой» архитектуры – например, решетчатые конструкции из облегченной стали, из которых Эйфель собрал свою знаменитую башню.

В истории «Фулхэма» регулярно появлялись мошенники, эксцентрики и другие исключительные персонажи.

Стадион «Крэйвен Коттедж» в Западном Лондоне был одним из первых проектов Литча. Сейчас это памятник архитектуры и старейшая из уцелевших построек архитектора: почти все его стадионы с тех пор реконструировали, а некоторые пришлось снести из-за «Доклада Тейлора», требовавшего сделать арены исключительно сидячими. Зато в Фулхэме сохранилось почти все: и традиционно грандиозная главная трибуна с фасадом из красного кирпича, и деревянный треугольник с надписью «Fulham Football Club», ставший символом клуба, и надсадно скрипящие турникеты, и три с половиной тысячи винтажных деревянных кресел 1905 года на узких рядах, где за 90 минут игры даже человек среднего роста натрет себе мозоли на коленках о спинку переднего сиденья. Но самый удивительный элемент «Крэйвен Коттедж» – это стоящий в углу стадиона трехэтажный дом, оммаж королевскому охотничьему коттеджу, который и дал название стадиону. Литч запихнул туда клубный офис, раздевалки, помещения для игры в бильярд и в карты, а также целую двухкомнатную квартиру, где в 1920-х жил капитан «Фулхэма» с женой и четырьмя детьми.

Как и главная трибуна, коттедж был объявлен памятником архитектуры и практически не изменился за сто с лишним лет, только теперь на балконе с видом на поле сидят семьи и друзья игроков, а не руководство клуба. Когда «Фулхэм» играл в премьер-лиге, тесные раздевалки были самыми маленькими в высшем дивизионе, причем ширина дверей в гостевой раздевалке не соответствовала стандартам, и хозяевам пришлось переехать туда во избежание протестов со стороны выездной команды. Тем не менее игроки гостей так и не полюбили сидеть друг у друга на голове и традиционно кривят нос перед поездкой к «Фулхэму». Часть трибуны за воротами, примыкающей к коттеджу, прозвали «маленькой Швейцарией» из-за сходства дома с альпийскими шале, а потом, развивая аналогию, объявили «нейтральной зоной», где могли сидеть вперемешку болельщики обеих команд, а то и вообще люди, которые не болеют ни за кого. Нейтральная зона – уникальное явление в английском футболе. Я ходил на «Крэйвен Коттедж» на товарищеские матчи Бразилия – Гана и Нигерия –

Италия: центральные трибуны были забиты экспатами, болеющими за свои сборные с африканской (латиноамериканской, средиземноморской) страстью, а в нейтральной зоне молча стояли насупившиеся англичане, которых явно раздражало количество симуляций и споров с судьей.

Сочетание архитектуры Арчибальда Литча, умиротворяющего окрестного пейзажа и любопытных традиций боления делает «Крэйвен Коттедж» лучшим стадионом Англии. Здесь игроки по-прежнему вылетают с поля в первый ряд, болельщики вытягивают головы, когда мяч прячется за одним из столбов, подпирающих крышу, а журналисты в пресс-ложе одновременно хлопают откидными стульями и столами. Примыкающая к реке трибуна превратилась в террасу с потрясающим видом на Темзу, куда можно выйти в перерыве с пивом и пирожком – и подумать, стоит ли возвращаться обратно. Наконец, в одном из углов растет старый платан – единственное дерево на территории футбольного стадиона во всей стране, еще одна уникальная примета «Крэйвен Коттедж». Не страшно, что сейчас сюда не приезжают видные клубы; главное, что поход на футбол на этот стадион, как и было когда-то задумано, радует вне зависимости от счета и качества игры.

По части качества «Крэйвен Коттедж» также повидал немало. «Фулхэм» впервые добрался до высшего дивизиона лишь в 1949 году, вернулся обратно, снова поднялся и продолжил метаться между лигами. Клубом владел бизнесмен Эрик Миллер, специалист по недвижимости, политический соратник премьер-министра Гарольда Уилсона, достойный продолжатель дела Генри Морриса. Миллер назвал в свою честь одну из трибун «Крэйвен Коттедж» и превращал товарищеские матчи в вечеринки с участием звезд футбола: в 1972-м «Фулхэм» играл во втором дивизионе, но к нему приехала «Бенфика» с Эйсебио, а через полгода – «Сантос» с Пеле. Один из игроков «Фулхэма», затерявшийся затем в полупрофессиональных лигах, рассказывал, как ему удалось пробросить мяч между ног бразильца: «Я и не хотел этого делать, все вышло случайно. Я просто не смог обработать мяч, а получился финт. Буду помнить это всю жизнь». В любом случае, такой возможности ему больше не представилось: Эрик Миллер, получивший к тому времени титул сэра, попался на финансовых махинациях, а во время расследования застрелился.

Миллера сменил Эрни Клэй, человек с такой же тягой к недвижимости и самолюбиванию. В 1976 году ему удалось заманить в «Фулхэм», по-прежнему выступавший во второй лиге, чемпиона мира Бобби Мура, легендарного экс-игрока «МЮ» Джорджа Беста, а также его друга нападающего Родни Марша, так и не реализовавшего свой талант, но невероятно популярного в Англии игрока, который называл Пеле «черным Родни Маршем», всегда играл на публику и страшно ругал всех тренеров и футболистов, за исключением Беста. Марш и Бест жили в районе Челси на улице Кингз-роуд рядом с музыкантами Rolling Stones, Led Zeppelin и Sex Pistols, проводили время в пабах (в одном из них они бывали так часто, что Бест даже сыграл там свадьбу) и совсем не прочь были погонять мяч за местную команду за большие деньги, обещанные Клэем. В контрактах Марша и Беста были прописаны бонусы за количество зрителей, которые приносили им десятки тысяч фунтов: на первый матч «Фулхэма» с их участием пришли 25 тысяч человек – при обычной посещаемости в районе 9 тысяч. Джордж Бест забил первый гол через 71 секунду после начала матча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.